

Марио
Пьюзо

ЧЕТВЕРТЫЙ
КЕННЕДИ

Марио Пьюзо. От автора «Крестного отца»

Марио Пьюзо
Четвертый Кеннеди

«ЭКСМО»

1990

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пьюзо М.

Четвертый Кеннеди / М. Пьюзо — «Эксмо», 1990 — (Марио Пьюзо. От автора «Крестного отца»)

ISBN 978-5-04-164869-5

Политический триллер – еще один жанр, мастерство Марио Пьюзо в котором проверено временем. Добро или зло возносит человека на вершину власти? Бог или дьявол ведут его по дороге славы и признания? И что случается с тем, кто, мечтая осчастливить человечество, вдруг срывается в бездну отчаяния и увлекает за собой весь мир? Марио Пьюзо знал ответы на эти вопросы. И поэтому «Четвертый Кеннеди» – это прививка от властолюбия для тех, кто имеет власть, и лекарство от доверчивости для тех, кого имеет она. «Классический образец триллера, от которого невозможно оторваться. Здесь есть все, что требуется поклонникам жанра». – The Washington Post
«Динамично, увлекательно. Подлинное наслаждение». – Los Angeles Times
«Настоящий мастер повествования». – USA Today

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-164869-5

© Пьюзо М., 1990
© Эксмо, 1990

Содержание

Книга первая. Страстная пятница	6
Глава 1	6
Глава 2	24
Глава 3	40
Книга вторая. Пасхальная неделя	49
Глава 4	49
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марио Пьюзо

Четвертый Кеннеди

Mario Puzo
THE FOURTH K

Copyright © 1990 by Mario Puzo

© Вебер В.А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моим детям

Энтони, Дороти, Юджину Вирджинии, Джозефу

Книга первая. Страстная пятница

Глава 1

Оливер Олифант прожил сто лет, но ум его оставался абсолютно ясным. К несчастью для него.

Ясность ума множилась на его изощренность, а потому всю жизнь нарушавший божьи заповеди и законы общества Оливер Олифант убедил себя, что совесть у него кристально чиста. Столь блестящий ум позволил ему избежать практически неизбежных ошибок повседневной жизни: он ни разу не женился, никогда не пытался занять выборную должность и не имел друга, которому бы доверял, как самому себе.

И сейчас, находясь в своем тщательно охраняемом поместье, расположенном всего в десяти милях от Белого дома, Оливер Олифант, самый богатый человек Америки и, возможно, самый влиятельный гражданин этой страны, ожидал прибытия своего крестника Кристиана Кли, генерального прокурора Соединенных Штатов.

Обаяние Олифанта не уступало уму: на этих двух китах и покоилось его могущество. Совета этого столетнего старика искали многие сильные мира сего. За уникальные аналитические способности его прозвали Оракулом.

Будучи советником президентов, Оракул предсказывал экономические кризисы, катастрофы на Уолл-стрит, падение доллара, бегство иностранных капиталов, фантастические пируэты цен на нефть. Он предсказывал политические шаги Советского Союза, внезапные объятия соперников из Демократической и Республиканской партий. А ко всему прочему состояние его превысило десять миллиардов долларов. Естественно, советы такого богатого человека ценились, даже если он и ошибался. Но такое случалось крайне редко.

И теперь, на Страстную пятницу, Оракул волновался только об одном: праздновании своего сорокового дня рождения. Гостей собирали в первый день Пасхи в Розовом саду Белого дома, хозяином выступал не кто иной, как президент Соединенных Штатов Френсис Завьер Кеннеди.

Оракулу льстило такое внимание. Ему предоставлялась возможность еще раз напомнить миру о своем существовании. Но к радости примешивалась грусть: он понимал, что вечеринка эта станет его последним выходом на сцену.

* * *

В Риме на Страстную пятницу семеро террористов заканчивали последние приготовления к покушению на папу, главу Римской католической церкви. Эти четверо мужчин и три женщины верили, что они – освободители человечества. Они называли себя Христами Насилия.

Возглавлял группу молодой итальянец, в совершенстве овладевший техникой и тактикой террористических операций. Для этой он выбрал себе кодовое имя Ромео, выказав тем самым ироничность своей натуры и сентиментальный аспект любви к человечеству.

Вечером Страстной пятницы Ромео отдыхал на конспиративной квартире, предоставленной Интернациональной сотней. Лежа на смятых простынях, выпачканных сигаретным пеплом и пропахших потом, он читал карманное издание «Братьев Карамазовых». Мышцы ног сводило от напряжения, может, даже страха, но значения это не имело. Пройдет, как проходило всегда. Но эта операция очень уж отличалась от прежних не только сложностью, но и опасностями,

грозящими телу и душе. В этой операции ему предстояло стать истинным Христом Насилия, и иезуитский подтекст, скрытый в этом имени, всегда вызывал у него смех.

Ромео, урожденный Армандо Джинджи, происходил из богатой, знатной семьи, которая обеспечила ему счастливое детство, роскошное существование, религиозное воспитание и блестящее образование. Совокупность всех этих плюсов столь оскорбила его врожденный аскетизм, что в шестнадцать лет он отринул и мирские радости, и католическую церковь. И теперь, в двадцать три года, убийство папы представлялось ему апогеем его бунтарства. И тем не менее задание это вызывало у Ромео суеверный страх. Ребенком он прошел обряд святой конфирмации, который проводил один из кардиналов с красной шапочкой на макушке. Эта зловещая шапочка, окрашенная в цвета адского огня, навсегда впечаталась в его память.

И вот, поддерживаемый богом во всех начинаниях, Ромео готовился совершить преступление столь ужасное, что миллионы людей будут проклинать его имя, настоящее имя, ибо в соответствии с намеченным планом ему предстояло попасть в руки правосудия. Но со временем он, Ромео, будет объявлен героем, который помог изменить нынешние жестокие порядки, сбросить оковы, пригибающие человечество к земле. Преступное в одном столетии становилось святым в следующем. И наоборот, с улыбкой подумал он. Первый папа, взявший имя Иннокентий¹ много сотен лет тому назад, издал буллу, узаконившую пытки, и был объявлен святым за то, что силой устанавливал истинную веру и спасал души еретиков.

Ромео с иронией думал о том, что церковь канонизирует папу, которого он собирался убить. Он создаст нового святого. И как он ненавидел их, всех этих римских пап: Иннокентия IV, Пия, Бенедикта... Они так старались очистить мир от грехов, накапливая богатства, подавляя настоящую веру, в основе которой лежала свобода человека, эти напыщенные колдуны, калечащие человечество своей магией невежества, извращающие истину.

Он, Ромео, один из Первой сотни Христов Насилия, поможет стереть с лица земли эту отвратительную магию. Первая сотня, которую только невежды могли называть террористами, действовала в Японии, Германии, Италии, Испании и даже в славящейся тюльпанами Голландии. Но не в Америке. Этот бастион демократии, место рождения свободы, мог дать миру только интеллектуальных революционеров, которые падали в обморок при виде крови; которые взрывали бомбы только в опустевших домах, предупредив людей о том, что их надо покинуть; которые полагали, что совокупление на лестницах зданий, где размещались государственные учреждения, и есть проявление бунтарства. Какими же жалкими выглядели эти потуги! Неудивительно, что в Первой сотне не было ни одного американца.

Ромео вырвался из грез. Какого черта, он даже не знал, сотня ли их. Может, пятьдесят, может, шестьдесят, но «сто» – число символическое. Именно такие символы объединяют массы и привлекают внимание прессы. Наверняка Ромео знал только одно: он – из Первой сотни, так же, как его друг, профессиональный террорист Джабрил.

В одной из многочисленных церквей Рима зазвонили колокола. Страстная пятница, шесть часов. Еще час, и придет Джабрил, чтобы еще раз уточнить все этапы этой сложнейшей операции. Убийство папы станет первым ходом в тщательно продуманном шахматном дебюте, и открывающиеся перспективы вдохновляли романтическую душу Ромео.

Джабрил был единственным человеком, который вызывал у Ромео благоговейный трепет. Джабрил в полной мере познал предательство правительств, лицемерие власть имущих, опасный оптимизм идеалистов, промахи даже самых опытных террористов. Но прежде всего Ромео видел в Джабриле гения революционной войны. Ему были чужды милосердие и инфантильная жалость, свойственные большинству людей. Джабрил видел перед собой только одну цель: освобождение человечества.

¹ Святой Иннокентий I (от innocent – невинный (англ.) – римский папа, умер в 417 г.

Более жестокого человека встречать Ромео не доводилось. Он сам убивал невинных людей, предавал родителей и друзей. Разделался с судьей, который однажды уберег его от тюрьмы. Ромео понимал, что политическое убийство может рассматриваться как разновидность безумия, и соглашался заплатить эту цену. Но когда Джабрил сказал ему: «Если ты не можешь бросить бомбу в детский сад, значит, ты не настоящий революционер», – Ромео честно ответил: «Этого я сделать не смогу».

Но папу он убить мог.

И тем не менее в последние темные римские ночи отвратительные демоны, наполнявшие его сны, рвались наружу, покрывая тело холодным потом.

Ромео вздохнул, скатился с грязных простыней, чтобы побриться до прихода Джабрила. Он знал, что опрятность Джабрил оценит как добрый знак, свидетельство высокого морального духа. Джабрил, как и многие сенсуалисты², придавал значение внешнему облику. Ромео, истинный аскет, мог жить и в дерьме.

* * *

Шагая на встречу с Ромео по улицам вечернего Рима, Джабрил, как обычно, следовал положенным правилам конспирации. Но, по существу, все зависело от внутренней дисциплины, верности товарищей, неподкупности бойцов Первой сотни. Однако ни они, ни даже Ромео не знали, в чем состоит его миссия.

Араб по происхождению, Джабрил мог легко сойти за сицилийца, как, впрочем, и большинство арабов. На тонком, смуглом лице выделялась нижняя часть – значительно более мощные, тяжелые челюсть и подбородок, словно природа добавила на них лишний слой кости. В свободное от работы время он отращивал шелковистую бороду, скрывающую тяжесть нижней челюсти. Но, участвуя в операции, всегда ее сбрасывал. Ангел Смерти, он показывал врагу свое истинное лицо.

Джабрил смотрел на мир светло-кариими глазами, в его волосах только начала пробиваться седина, а крепкая шея переходила в широченные плечи и мускулистую грудь. Непропорционально длинные в сравнении с корпусом ноги скрывали силу, которой обладал Джабрил. Но ничто не могло замаскировать ум, которым светились его глаза.

Джабрил презирал саму идею Первой сотни. Он полагал, что это дешевый пиаровский прием, уступка обществу потребления. Вышедшие из университетов революционеры вроде Ромео были уж слишком романтичны в своем идеализме, слишком пренебрежительно относились к компромиссам. Джабрил понимал, что толика продажности в поднимающейся революционной поросли просто необходима.

Нравственные принципы давно уже превратились для Джабрила в пустой звук. Совесть его была абсолютно чиста, как у любого другого, кто верил и знал, что готов отдать душу борьбе за благоденствие человечества. И он никогда не упрекал себя за то, что не забывает в этой борьбе про собственные интересы. Нефтяные шейхи заказывали ему убийство своих политических противников. Приходилось убивать и по заказу правителей новых африканских государств, которые, закончив Оксфорд, научились перепоручать грязную работу другим. Иной раз заказ поступал на очень уважаемых и влиятельных политиков, тех самых людей, которые контролировали в этом мире все, за исключением жизни и смерти.

Об этих деяниях никто из Первой сотни не знал. Джабрил получал деньги от голландских, английских и американских нефтяных компаний, от русской и японской разведок и даже, правда, давным-давно, от американского ЦРУ, за очень специфические убийства. Но все это осталось в прошлом.

² Сенсуализм – философское учение, признающее единственным источником познания ощущения.

Теперь он ни в чем себе не отказывал: аскетизм его не привлекал. В конце концов, ему пришлось познать бедность, хотя и родился он в достаточно состоятельной семье. Он любил хорошее вино и вкусную еду, отдавал предпочтение роскошным отелям, наслаждался азартными играми и частенько уступал прелестям женской плоти. Правда, всякий раз платил за удовольствие деньгами, подарками, личным обаянием. Романтическая любовь вызывала у него ужас.

Несмотря на «революционные слабости», в узких кругах Джабрила ценили прежде всего за силу воли. Он абсолютно не боялся смерти, впрочем, это было свойственно многим террористам, но при этом его, явление уникальное, не страшила и боль. Возможно, поэтому он и отличался такой безжалостностью.

Джабрил на деле доказал и себе, и другим, что это не пустые слова. Его не могли сломить никакие меры физического или психического воздействия. Он пережил тюрьмы Греции, Франции, России, выдержал два месяца допросов израильской службы безопасности, чьи эксперты, по его твердому убеждению, не знали себе равных. Во всех случаях он вышел победителем, возможно, потому, что его тело в стрессовой ситуации становилось нечувствительным к боли. Наконец, все всё поняли: болью Джабрила не пронять.

Выступая же в роли тюремщика, он часто очаровывал своих жертв. И признавал, что нотки безумия, проскальзывающие в его поведении, являлись составной частью и его обаяния, и страха, который он вызывал. А может, причина заключалась в том, что в творимых им жестокостях не было злобы. И тем не менее ему нравилась жизнь. Даже теперь, готовясь к самой опасной операции, он наслаждался улицами Рима, напоенными ароматами цветов, купающимися в сумерках Страстной пятницы под перезвон бесчисленных святых колоколов.

Все шло по плану. Группа Ромео заняла исходные позиции. Группа Джабрила прибывала в Рим в субботу. У каждой была своя конспиративная квартира, связь осуществлялась только через командиров. Джабрил знал, что грядет величайший момент его жизни. Предстоящий первый день Пасхи и последующие дни станут свидетелями создания нового мира.

Он, Джабрил, поведет народы по пути, на который они страшились ступить. Он сбросит власть своих вечно прячущихся в тени хозяев, они станут его пешками, он пожертвует всеми, даже бедным Ромео. Только смерть или нервный срыв могли помешать осуществлению его планов. Или, если смотреть правде в глаза, сотни возможных временных нестыковок. Но ему нравилась сложность операции, изощренность замысла. Джабрил остановился, чтобы полюбоваться на шпили кафедрального собора, счастливые лица горожан Рима, мелодраматические размышления о будущем не выходили у него из головы.

Но, как все люди, которые думают, что могут изменить ход истории собственной волей, собственным умом, собственной силой, Джабрил не уделял должного внимания историческим случайностям и совпадениям, не оценивал возможности того, что могли существовать люди, еще более страшные, чем он. Люди, воспитанные в жестких рамках человеческого общества, скрывающие под маской законопослушания безжалостность и жестокость.

Джабрил наблюдал за набожными и веселыми паломниками, заполонившими улицы Святого города, истово верящими во всемогущество бога, и его охватывало ощущение непобедимости. С гордо поднятой головой он пройдет мимо их всепрощающего бога, нырнет в самые глубины зла, чтобы открыть широкие ворота добру.

Джабрил оказался в одном из бедных районов Рима, где не требовалось особых усилий, чтобы запугать или подкупить людей. К дому, в котором базировалась группа Ромео, он подошел уже в темноте. К старому четырехэтажному зданию примыкал двор, взятый в полукруг каменной стеной. Все квартиры контролировались подпольным революционным движением. Джабрилу открыла дверь одна из трех женщин, входивших в группу Ромео. Тощая, в джинсах и джинсовой рубашке, расстегнутой чуть ли не до пояса. Бюстгальтер она не носила за ненадобностью: округлости грудей не просматривались. В прошлом она участвовала в одной из

операций Джабрила. Женщину эту он не любил, но его восхищала ее отвага. Как-то раз они поссорились, но она не отступила ни на шаг.

Звали женщину Энни. Ее черные волосы, подстриженные а-ля принц Вален, подчеркивали блеск черных глаз, оценивающих всех, кто попадался у нее на пути, включая Ромео и Джабрила. Она еще не знала всех деталей операции, но само появление Джабрила подсказало ей, что готовится что-то очень важное. Она коротко улыбнулась, не произнеся ни слова, и закрыла дверь, как только Джабрил переступил порог.

Джабрил с отвращением отметил грязь в доме. Пол в рваных газетах, везде остатки еды, грязные тарелки и стаканы. Группа Ромео состояла исключительно из итальянцев. Женщины отказывались убираться: домашние обязанности противоречили их революционным убеждениям, предполагавшим полное равенство мужчин и женщин. Мужчины, все бывшие студенты, все молодые, соглашались с тем, что у женщин должны быть какие-то права. Но воспитывались они в благополучных семьях, где итальянские мамы без устали хлопотали по дому. Кроме того, они знали, что группа прикрытия очистит дом от всех оставленных ими следов. Компромисса достигли без проблем: грязь попросту игнорировалась. Раздражал этот компромисс только Джабрила.

– Какие же вы свиньи, – бросил он Энни.

Она смерила Джабрила холодным взглядом.

– Я – не прислуга.

Ответ только подтвердил сложившееся у Джабрила мнение. Она не боялась ни его, ни других мужчин или женщин. Истинная фанатичка, готовая в любой момент взойти на костер.

Ромео сбегал вниз по лестнице, ослепительно красивый, вибрирующий от распирающей его энергии. Энни даже отвела взгляд. Он нежно обнял Джабрила и увлек его во двор, где они присели на маленькую каменную скамью. Ночной воздух благоухал ароматами цветов, до них долетал гул голосов тысяч паломников и туристов, прогуливающих по римским улицам. А над головами перезванивались церковные колокола, приветствуя приближение субботы, предшествующей первому дню Пасхи.

Ромео закурил.

– Наконец-то наше время пришло, Джабрил. Что бы ни случилось, наши имена навеки останутся в истории.

Романтизм Ромео вызвал у Джабрила смех, жажда славы – легкое презрение.

– Их заклеят позором, – ответил он. – Мы поставим точку в долгой истории террора. – Джабрил думал об их объятии. С одной стороны, в нем чувствовалась истинная любовь, с другой – торопливость отцеубийц, стоящих над трупом родителя.

На стене, окружавшей двор, горели тусклые фонари, но лица сидящих на скамье скрывались во мраке.

– Со временем они все узнают. – Ромео глубоко затянулся. – Но поймут ли они наши мотивы? Нас назовут психами? Не важно, поэты будущего нас поймут.

– Сейчас мы не можем думать об этом. – Театральность Ромео раздражала его. Возникали сомнения в том, что он сумеет довести порученное дело до конца, хотя право на эту операцию Ромео многократно доказывал в деле. Выглядел он, как киноартист, но на самом деле был очень опасным террористом. Если они с Джабрилом и отличались, то только в одном: Ромео выделяло бесстрашие, Джабрила – хитрость.

Годом раньше они вместе шагали по улице Бейрута. У них на пути лежал бумажный пакет, вроде бы пустой, в пятнах жира от еды, которая когда-то в нем была. Джабрил обошел пакет стороной. Ромео ногой сбросил в ливневую канаву. Они руководствовались разными инстинктами. Джабрил верил, что на этой земле опасность может исходить от всего. Ромео полагал, что ему море по колено.

Конечно, были и другие отличия. Джабрил с маленькими глазками и тяжелой челюстью тянул на урода, Ромео был писанным красавцем. Джабрил гордился своей уродливостью, Ромео стыдился своей красоты. Джабрил всегда понимал, что наивный человек, посвятивший себя политической борьбе, неминуемо погибнет. Ромео пришел к этому выводу много позднее, уже активно участвуя в этой борьбе, с большой неохотой. Его обращение шло от ума.

Свои сексуальные победы Ромео одерживал благодаря красоте, семейные деньги защищали его от всех экономических неурядиц. Ромео доставало ума понимать, что его счастье в чем-то аморально, поэтому благополучие его жизни и вызвало у него отвращение. Он погрузился в литературу и учебу, где и нашел подтверждение своим мыслям. И профессора-радикалы, чему уж тут удивляться, без труда убедили Ромео в том, что его предназначение – помочь сделать этот мир более пригодным для жизни.

Он не хотел становиться таким, как его отец, – светским львом, проводящим у цирюльника больше времени, чем в постели жены. Он не хотел всю жизнь бегать за прекрасными женщинами. А главное, он не хотел тратить деньги, которые пахли потом бедняков. Бедняки должны стать счастливыми и свободными, а уж потом и он получит право попробовать счастье на вкус. И Ромео, как ко второму причастию, потянулся к книгам Карла Маркса.

* * *

Обращение Джабрила шло от бытия. Ребенком он жил в Палестине, как в раю. Счастливый мальчик, очень умный, обожающий родителей, особенно отца, который ежедневно по часу читал ему Коран.

Семья жила на большой вилле со множеством слуг, в зеленом оазисе посреди желтой пустыни. Но однажды, в пять лет, Джабрила вышвырнули из того рая. Его обожаемые родители исчезли, виллу и сады разрушило мощнейшим взрывом. Он оказался в нишей деревеньке у подножия горы, сирота, живущий на подаяние. Его единственным сокровищем остался отцовский Коран, отпечатанный на веленовой бумаге синим каллиграфическим шрифтом с золотыми вензелями. И у него в памяти навсегда остался отец, слово в слово, как полагалось мусульманину, читающий святой текст. То были указания господина, переданные пророку Мухаммеду, которые не обсуждались и не оспаривались. Став взрослым, Джабрил как-то сказал своему приятелю-еврею: «Коран – это тебе не Тора», – и оба рассмеялись.

Ему сразу сказали причину его изгнания из рая, но лишь несколько лет спустя он окончательно понял, что к чему. Его отец был тайным агентом Организации освобождения Палестины, лидером подполья. Полиция расстреляла его, мать покончила с собой над его телом, виллу и сад взорвали израильтяне.

Так что Джабрил просто не мог не стать террористом. Его родственники и учителя местной школы прививали ему ненависть к евреям, но полного успеха не добились. Больше всего он ненавидел своего бога за то, что тот не предотвратил крушения его рая детства. В восемнадцать лет он выручил за Коран крупную сумму и поступил в Бейрутский университет. Оставшиеся деньги он щедро тратил на женщин и, наконец, через два года завербовался в Палестинское движение сопротивления. А со временем превратился в одного из самых известных террористов. Но свобода его народа не стала для Джабрила конечной целью. В определенном смысле его работа помогала ему достичь внутреннего мира с самим собой.

* * *

Ромео и Джабрил просидели во дворе два часа, обсуждая подробности предстоящей операции. Ромео постоянно курил. Один момент очень волновал его.

– Ты уверен, что они меня обменяют? – спросил он.

– Куда им деваться, раз у меня будет такой заложник? – пожал плечами Джабрил. – Поверь мне, у них ты будешь в большей безопасности, чем я – в Шерхабене.

При расставании они вновь обнялись. Чтобы уже никогда не увидеться вновь.

* * *

В ту самую Страстную пятницу Френсис Завьер Кеннеди встретился со своими ближайшими советниками и вице-президентом, чтобы сообщить им нерадостные новости.

Встреча прошла в Желтой овальной комнате Белого дома, любимой его комнате, более просторной и удобной, чем знаменитый Овальный кабинет. Желтая комната больше напоминала гостиную, и они могли беседовать там за чашкой английского чая.

Советники и вице-президент уже собрались и встали, как только президент, сопровождаемый агентами Секретной службы, переступил порог. Знаком Кеннеди предложил всем сесть, одновременно обратившись к агентам с просьбой подождать за дверью. Ритуал этот повторялся регулярно, и всякий раз его нервировали два момента. Во-первых, согласно протоколу только он мог приказывать агентам Секретной службы покинуть комнату, во-вторых, вице-президенту приходилось вставать из уважения к его должности. Пост вице-президента занимала женщина, и выходило, что политическая вежливость главенствовала над правилами хорошего тона. Все-таки вице-президент Элен Дюпрей была на десять лет старше, чем он. Ее отличала не только красота, но и экстраординарный ум, позволяющий ей наилучшим образом разрешать как политические, так и социальные проблемы. Собственно, по этой причине в ходе избирательной кампании он и пригласил ее в вице-президенты, преодолев сопротивление многих влиятельных функционеров Демократической партии.

– Черт побери, Элен! – воскликнул он. – Перестаньте вставать, когда я вхожу в комнату. Теперь мне придется разливать всем чай, чтобы доказывать свою галантность.

– Я лишь хотела выразить вам свою благодарность, – ответила Элен Дюпрей. – Я-то решила, что вы пригласили вице-президента на совещание с советниками, чтобы было кому убрать посуду.

Оба рассмеялись. Советники даже не улыбнулись.

* * *

В темноте двора Ромео докурил последнюю сигарету. Над каменными стенами возвышались подсвеченные купола великих соборов Рима. Ромео вошел в дом, чтобы дать своим людям последние инструкции.

Каптенармусом в группе была Энни. Она раскрыла большой сундук и начала раздавать оружие и патроны. Один из мужчин расстелил на полу гостиной грязную простыню, на которую Энни положила тряпки и масленки с оружейным маслом. Чистить и смазывать оружие они могли по ходу инструктажа. Несколько часов они слушали и задавали вопросы, чтобы устранить все неясности. Энни раздала одежду, в которой им предстояло идти на дело. Одежда эта вызвала немало шуток. Наконец, они сели за стол, чтобы съесть ужин, приготовленный Ромео и другими мужчинами. Выпили молодого вина за успех операции, некоторые с час поиграли в карты, прежде чем разойтись по комнатам. Охрану не выставили: каждая комната запиралась, а оружие лежало у кровати. Однако все они засыпали с трудом.

Уже после полуночи Энни постучалась в дверь комнаты Ромео. Он читал. Войдя, она первым делом сбросила на пол «Братьев Карамазовых».

– Опять ты читаешь это говно. – В голосе слышались нотки пренебрежения.

Ромео пожал плечами, улыбнулся:

– Меня забавляет эта книга. Персонажи похожи на итальянцев, которые очень стараются выглядеть серьезными людьми.

Они быстро разделись, легли спинами на грязные простыни. Ромео смотрел в потолок, Энни закрыла глаза. Она лежала слева от него, и ее правая рука начала медленно и нежно поглаживать его член. Плечи их чуть касались, ноги, бедра – нет. Когда она почувствовала, что к пенису Ромео прилила кровь, левой рукой она принялась за свою «киску». Ромео лишь однажды попытался коснуться ее крошечной груди, но она, не раскрывая глаз, скорчила недовольную гримаску, словно ребенок. Руки ее двигались все быстрее, ритмичность сменила хаотичность, и Ромео кончил. В тот самый момент, когда сперма выплеснулась на руку Энни, кончила и она, ее глаза широко раскрылись, легкое тело, казалось, взлетело в воздух и повернулось к Ромео, словно Энни хотела поцеловать его. Но в последний момент она отвернула голову и уткнулась в грудь Ромео. Так и лежала, пока волны наслаждения не сошли на нет и тело не успокоилось. Затем Энни как-то очень буднично села, вытерла руку о засаленную простыню. Взяла с мраморного столика пачку сигарет, зажигалку, закурила.

Ромео прошел в ванную, намочил полотенце. Вернулся, протер ее руки, потом свой живот. Дал полотенце Энни, она вытерла промежность.

То же самое они проделывали перед другой операцией, и Ромео понимал, что это предельная черта, переступить через которую Энни не может. Она так яростно отстаивала свою независимость по лишь ей ведомой причине, что не могла позволить мужчине, которого не любила, проникнуть в ее тело. Точно также отнеслась она и к оральному сексу, предложенному Ромео. То был единственный способ сексуального удовлетворения, который она могла позволить себе, не предавая идеалов независимости.

Ромео всмотрелся в ее лицо. Оно заметно смягчилось, из глаз ушел яростный блеск. Она же такая юная, подумал он, как получилось, что она так быстро превратилась в смертельное оружие?

– Может, проведешь эту ночь со мной, за компанию? – спросил он.

Энни затушила окуроч.

– О, нет. Ради чего? Мы получили все, что хотели.

И начала одеваться.

– По крайней мере, на прощание ты могла бы сказать что-нибудь нежное, – игриво заметил Ромео.

Она остановилась у двери, повернулась. Он даже подумал, что сейчас она вернется и ляжет в кровать. Ее лицо осветила улыбка, и впервые он увидел в ней девушку, которую мог бы полюбить. Но она поднялась на цыпочки, продекламировала: «Ромео, Ромео, зачем, о, Ромео?» – показала ему нос и исчезла.

В университете Бригхэма Янга, расположенном в городе Прово, штат Юта, двое студентов, Дэвид Джетни и Крайдер Коул, готовились к проводившейся раз в семестр «Охоте на президента». Игра эта вновь вошла в моду после избрания на пост президента Соединенных Штатов Френсиса Завьера Кеннеди. По правилам игры, команда студентов-киллеров должна была в течение двадцати четырех часов совершить убийство: разрядить игрушечные пистолеты в картонное чучело президента Соединенных Штатов с расстояния менее пяти футов. Чтобы предотвратить покушение, чучело президента охраняли более сотни законопослушных студентов. По окончании «охоты» выигрышный фонд тотализатора использовался на оплату банкета, на котором чествовались победители.

Администрация университета и деканаты эту игру не одобряли, сказывалось влияние мормонской церкви, но в нее играли во всех кампусах Соединенных Штатов: еще один пример чрезмерной свободы в либеральном обществе. Впрочем, молодых зачастую отличали низменные вкусы и стремление к риску. А такая игра давала выход недовольству властями, становилась формой выражения протеста для тех, кто еще ничего не достиг, против других, уже

добившихся успеха. Но уж лучше этот символический протест, чем политические демонстрации, массовые беспорядки или сидячие забастовки. Игра «Охота на президента» стала предохранительным клапаном для стравливания давления, поднятого бунтующими гормонами.

Два охотника, Дэвид Джетни и Крайдер Коул, бок о бок шагали по кампусу. Джетни планировал операцию, Коул довольствовался ролью исполнителя, поэтому Джетни больше говорил, а Коул – кивал. Они прошли мимо студентов, охранявших картонное, в рост человека, чучело президента. На рисунке достаточно легко узнавались его черты. Одели президента в синий костюм, зеленый галстук и красные носки. Вместо ботинок на каждой ноге нарисовали римскую цифру IV.

Охранники угрожающе нацелили на охотников свои игрушечные пистолеты. Коул весело помахал им рукой, Джетни окинул их угрюмым взглядом. Он воспринимал игру на полном серьезе. План операции он уже разработал и практически не сомневался в успехе. А их появление перед противником в горнолыжном снаряжении предназначалось для того, чтобы создать у охранников ложный визуальный ряд и обеспечить эффект внезапности. Пусть думают, что они смирились с поражением и уезжают из кампуса на уик-энд.

Правила игры требовали предварительной публикации в газете кампуса распорядка дня чучела президента. И охотники знали, что вечером чучело прибудет на праздничный банкет. Свой удар Джетни и Коул собирались нанести за несколько минут до того, как часы пробьют полночь.

Намеченный план полностью удался. В шесть вечера Джетни и Коул встретились в ресторане, где готовился банкет. Хозяин ничего не знал об их планах. Он видел перед собой лишь двух студентов, которые уже две недели работали у него официантами. Работали хорошо, особенно Коул, и хозяин не мог на них нарадоваться.

В девять вечера охранники, все сто человек, внесли в ресторан чучело президента. Его поставили в центр круга, образованного столами. Охранники, естественно, перекрыли все входы и выходы, дежурили у каждого окна. Хозяин потирал руки, заранее подсчитывая прибыль, и, лишь войдя на кухню и увидев, как двое молодых официантов укладывают игрушечные пистолеты в супницы, сообразил, что к чему. «Так вы сегодня увольняетесь», – разочарованно протянул он. Коул улыбнулся ему во все тридцать два зуба, Дэвид Джетни мрачно сверкнул глазами, и с супницами в руках они прошептались в зал.

Охранники уже пили за победу, когда Джетни и Коул поставили супницы на стол, сняли крышки и выхватили игрушечные пистолеты. Приставили их к раскрашенному чучелу и нажали на спусковые крючки. Коул выстрелил один раз и рассмеялся. Джетни выстрелил трижды и бросил пистолет на пол. И не двинулся с места, когда охранники в притворном гневе бросились к ним, разразившись проклятиями, а потом расселись по столам. Прежде чем занять свое место, Джетни пинком свалил уже забытое всеми чучело на пол.

В этой игре ни охотники, ни охранники не лезли из кожи вон. В других колледжах к ней относились более серьезно. Создавались специальные системы защиты, при попадании чучела истекали синтетической кровью.

В Вашингтоне, округ Колумбия, генеральный прокурор Соединенных Штатов Кристиан Кли вел список игроков-киллеров. Фотографии и объективки Джетни и Коула заинтересовали его. Он сделал в блокноте соответствующую пометку: организовать специальную группу для проверки прошлого Дэвида Джетни и Крайдера Коула.

* * *

В последнюю перед Пасхой пятницу двое очень серьезных молодых людей приехали в Нью-Йорк из Массачусетского технологического института³ и положили маленький чемоданчик в ячейку камеры хранения в Автобусном терминале портового управления.⁴ Переходя из зала в зал, они подчеркнуто сторонились оборванных бродяг, остроглазых сутенеров и шлюх, которых хватает на любом железнодорожном и автовокзале. Оба были вундеркиндами, в возрасте двадцати лет стали ассистентами профессоров физики и участвовали в секретных научно-исследовательских работах, проводимых в институте. В чемоданчике лежала миниатюрная атомная бомба, собранная ими из украденных в лаборатории материалов и плутония. Им потребовалось два года, чтобы понемногу, фальсифицируя отчеты и эксперименты, добыть все необходимое, не привлекая к себе внимание служб безопасности.

Адам Гризз и Генри Тиббот считались гениями с двенадцати лет. Их родители сделали все, чтобы они осознавали свою ответственность перед человечеством. У них не было грехов, кроме тяги к знаниям. Блестящий ум не позволял им снизойти до такой мелочовки, как алкоголь, азартные игры, страсть к женщинам, обжорство или обычные наркотики.

Уступили они другому, более мощному наркотику, имя которому – абстрактное мышление. Они почувствовали себя совестью общества и увидели правящее миром зло. Они верили, что создание атомного оружия было ошибкой, которая привела человечество на грань катастрофы. И после года досужих разговоров решили припугнуть правительство. Показать, с какой легкостью безумец-одиночка может причинить неисчислимые беды. Они собрали миниатюрную бомбу мощностью в половину килотонны, чтобы разместить ее в центре гигантского мегаполиса, а потом предупредить власти о случившемся. И воспринимали себя самих и свое деяние как нечто уникальное, посильное только господа богу. Они не знали, что очень известный мозговой центр, финансируемый правительством, рассматривал аналогичную ситуацию среди возможных опасностей, которые угрожают вступившему в атомный век человечеству.

Находясь в Нью-Йорке, Адам Гризз и Генри Тиббот отправили в «Нью-Йорк таймс» письмо-предупреждение, в котором объясняли свои мотивы и просили, чтобы газета сначала опубликовала его, а уж потом довела до сведения властей. Подготовка письма заняла очень много времени, и не только потому, что они хотели составить его так, чтобы все поняли, что в их действиях нет никакой угрозы. Им пришлось очень долго вырезать из старых газет буквы и слова, которые потом наклеивались на чистые листы бумаги.

Автоматический таймер должен был взорвать бомбу в следующий четверг. Они не сомневались, что к тому времени письмо будет передано в соответствующие государственные ведомства и бомбу обязательно найдут. Они лишь хотели предупредить правителей мира об опасности – ничего больше.

* * *

В Риме в Страстную пятницу Тереза Кэтрин Кеннеди, дочь президента Соединенных Штатов, готовилась положить конец европейской ссылке, в которую она сама себя и отправила, и вернуться в Соединенные Штаты, чтобы поселиться с отцом в Белом доме.

³ Массачусетский технологический институт (МТИ) – ведущий частный научно-исследовательский и учебный институт страны в г. Кембридже, пригороде Бостона. Основан в 1861 г.

⁴ Автобусный терминал портового управления – автовокзал в г. Нью-Йорке на Восьмой авеню между 40-й и 42-й улицами, самый крупный в мире. Отсюда автобусы отправляются во все города США. Находится в ведении нью-йоркского порта.

Охранявшие ее агенты Секретной службы обеспечили подготовку к отъезду. Следуя ее указаниям, они взяли билеты на самолет, вылетающий из Рима в Нью-Йорк в первый день Пасхи.

Тереза Кеннеди, ей недавно исполнилось двадцать три года, изучала в Европе философию, сначала в Сорбонне, потом в Римском университете, где у нее только что, к взаимному облегчению, завершился страстный роман с итальянским студентом, придерживающимся радикальных взглядов.

Она любила своего отца, а вот должность его ей очень не нравилась. Однако верность семье не позволяла ей заявить публично, что она исповедует иные политические взгляды. Она верила в торжество социализма и теперь выступала за равенство всех мужчин и всех женщин. Она была феминисткой в американском понимании этого слова: считала, что фундаментом личной свободы является экономическая независимость, а потому не мучилась угрызениями совести из-за траст-фондов, которые гарантировали ее независимость.

Но при этом она отвергала саму идею привилегий и очень редко навещала отца в Белом доме. Возможно, подсознательно она винила его за смерть матери, потому что в последний, самый тяжелый период ее болезни он уделял политике слишком много времени. После смерти матери она захотела укрыться в Европе, но по закону ей, как члену семьи президента, полагалась охрана. Она попыталась отказаться от нее, но отец умолил Терезу этого не делать. Френсис Кеннеди сказал, что сойдет с ума, если с ней что-нибудь случится.

И двадцать человек, разделившись на три смены, круглосуточно охраняли Терезу Кеннеди. Когда она шла в ресторан или в кино со своим дружкой, они не упускали ее из виду. Они арендовали квартиры в том же здании, где жила Тереза, на улице пользовались минивэном, набитым электронным оборудованием. Она никогда не оставалась одна. И ежедневно сообщала начальнику охраны подробный распорядок дня.

Охранники напоминали ей двухголовых чудовищ: наполовину слуг, наполовину хозяев. Современное подслушивающее оборудование позволяло им слышать все звуки, которые раздавались в ее спальне, когда она приводила к себе мужчину. И они пугали ее: не шли – скользили, чуть склонив голову набок, словно волки, принохивающиеся к запахам, которые доносил до них ветер. На самом деле они пребывали в постоянной готовности к тому, чтобы мгновенно выполнить приказ, полученный по вставленному в ухо радиоприемнику.

Тереза отказалась от «ближней», то есть непосредственной, охраны. Она сама водила автомобиль, не позволила службе безопасности снять соседнюю квартиру, отказывалась ходить в компании телохранителей. И настояла на том, чтобы служба безопасности обеспечила ей «охрану по периметру», образно говоря, воздвигла стену вокруг большого сада, в котором она находилась. В этом случае у нее сохранялась хотя бы видимость личной жизни. Впрочем, и тут случались досадные накладки. Как-то раз она пошла в магазин, и ей потребовалась мелочь, чтобы позвонить по телефону. Ей показалось, что в мужчине, разглядывающем соседнюю витрину, она узнала одного из своих охранников. Подошла к нему и спросила: «Ты не мог бы дать мне четвертак?» Мужчина в изумлении вытаращился на нее, и она поняла, что обозналась, приняв за охранника постороннего человека. Громко рассмеялась, извинилась. Мужчина заулыбался, протянул ей четвертак: «Для Кеннеди я готов на все», – и шутливо поклонился.

Как и многие молодые люди, Тереза Кеннеди верила, не имея тому никаких доказательств, что люди по природе своей «добрые», ориентируясь в своих рассуждениях главным образом на себя. Она провозглашала свободу, горой стояла за правое дело, боролась со злом. В повседневной жизни старалась не нарушать общепринятые моральные нормы. Как-то раз еще ребенком пожертвовала содержимое своей копилки американским индейцам.

Но после того как ее отца избрали президентом Соединенных Штатов, она попадала в щекотливое положение, выступая за разрешение аборт или подписываясь под воззваниями

радикальных и левых организаций. В этих случаях ее имя трепали и пресса, и политические оппоненты.

В любовных делах она исповедовала моногамию: в ее жизни было место только одному мужчине. Она верила в абсолютную откровенность, обман ужасал ее.

За годы, проведенные за границей, она несколько раз попадала в ситуации, которые многому могли бы ее научить. В Париже бродяги, жившие под одним из мостов, попытались изнасиловать ее, когда она знакомилась с местным «дном». В Риме двое нищих вырвали у нее сумочку, когда она открыла ее, чтобы дать им денег. Оба раза ей на помощь приходили агенты Секретной службы. Но случившееся не поколебало ее веру в доброту человека. В душе каждого прорастало зернышко добра, не существовало неисправимых грешников. Как феминистка, она, разумеется, знала о тираническом отношении мужчин к женщинам, но как-то не задумывалась о той грубой силе, к которой обычно прибегали мужчины, имея дело с себе подобными. Она и представить себе не могла, на какие подлости могли идти люди, предавая как близких родственников, так и верных друзей.

Начальник ее службы безопасности, слишком старый, чтобы охранять более важных государственных чиновников, пришел в ужас от ее наивности и попытался научить ее уму-разуму. С ней он мог позволить себе большую откровенность, поскольку от выхода в отставку его отделяло совсем ничего.

– Вы слишком молоды, чтобы понимать этот мир, – говорил он ей. – И в вашем положении необходимо соблюдать предельную осторожность. Вы думаете: я отношусь к людям по-доброму, поэтому и от них увижу только добро.

Днем раньше она остановила автомобиль, чтобы подвести голосовавшего на дороге мужчину. Тот решил, что его приглашают не только в машину, но и в постель. Естественно, шеф службы безопасности отреагировал мгновенно. Два автомобиля притерли машину Терезы к обочине аккурат в тот момент, когда мужчина положил руку на бедро Терезы.

– Позвольте рассказать вам историю, – продолжал начальник ее службы безопасности. – Однажды мне довелось работать с очень умным и милым высокопоставленным сотрудником одного из государственных учреждений. Случилось так, что он перемудрил и угодил в западню. Плохиш, который ее устроил, мог сделать с моим боссом все, что хотел. Это был очень плохой человек. Но по какой-то причине он отпустил моего босса живым и невредимым, сказав напоследок: «Помни, ты у меня в долгу». Так вот, мы шесть месяцев шли по следу этого человека, но так и поймали его. И мой босс тут же пристрелил его, не дав ему шанса сдаться или перекинуться на нашу сторону. И знаете почему? Он сам мне все объяснил: этот плохиш однажды выступил в роли господина бога, а потому оставлять его в живых слишком опасно. И мой босс не поддался чувству благодарности, сказав, что милосердие этого плохиша не более чем причуда, а на причуды рассчитывать не приходится. – Но начальник службы безопасности утаил от Терезы имя своего босса. Звали его Кристиан Кли.

* * *

Избрание Френсиса Завьера Кеннеди президентом Соединенных Штатов многие восприняли как чудо. Победу обеспечила магия его имени, а также удивительное сочетание внешности и интеллекта, пришедшееся по вкусу избирателям. Они отдали ему свои голоса, несмотря на, казалось бы, полное отсутствие опыта управления государством: он провел в Сенате всего один срок.

Он называл себя племянником Джона Ф. Кеннеди, президента Соединенных Штатов, убитого в 1963 году, но не входил в клан Кеннеди, который по-прежнему играл заметную роль в американской политике. В действительности он приходился куда более дальним родственником и Джону, и Роберту Кеннеди, но обладал свойственной им харизмой.

Френсис Кеннеди проявил блестящие способности в юриспруденции и в двадцать восемь стал профессором в Гарварде. Потом он организовал частную юридическую фирму, которая развернула активную борьбу за широкие либеральные реформы как в государственном, так и в частном секторе экономики. Его юридическая фирма не приносила большой прибыли, но он не придавал этому значения, потому что располагал значительным личным состоянием. Однако благодаря ее деятельности о нем узнала вся страна. Не жалея сил, он защищал права меньшинств, бедняков, инвалидов.

Своей президентской кампанией Кеннеди всколыхнул всю страну. Он заявил, что подпишет новый социальный контракт государства с американским народом. «Что обеспечивает существование цивилизации?» – спрашивал он. И сам же отвечал: договор между теми, кто правит, и теми, кем правят. Государство должно обеспечить охрану от преступлений и экономических трудностей. Оно должно обещать каждому гражданину право и средства для реализации его мечты, обретения личного счастья. И только после этого те, кем правят, должны взять на себя обязательство подчиняться законам, которые «обеспечивают существование цивилизации». И Кеннеди предложил, чтобы частью этого священного социального контракта стало положение о том, что по всем важнейшим вопросам, которые будут затрагивать американское общество в целом, решение должен принимать народ, путем референдума, а не Конгресс, Верховный суд или президент.

Он пообещал уничтожить преступность. Он пообещал уничтожить бедность, которая являлась питательной средой преступности. Он пообещал новую национальную программу медицинского страхования, финансирование которой возьмет на себя государство, и реформирование системы социального обеспечения, с тем чтобы обеспечить рабочему человеку достойную старость.

Чтобы подтвердить свою решимость добиваться поставленных целей и не дать возможности оппонентам упрекать его в личном богатстве, он в ходе одного из ток-шоу объявил о том, что передает свое личное состояние, оценивающееся в сорок миллионов долларов, казначейству Соединенных Штатов. Соответствующие документы были подписаны на торжественной церемонии, которую показали в выпусках новостей по всем программам. Этот поступок Френсиса Кеннеди произвел неизгладимое впечатление на каждого гражданина, обладающего правом голоса.

На самолете он облетел все крупнейшие города Соединенных Штатов, его автомобильный кортеж побывал во множестве маленьких городков. Жена и дочь во всем помогали ему, их красота привлекала на его сторону новых избирателей. Проведенные телевизионные дебаты с кандидатом от Республиканской партии все три раза заканчивались полным триумфом Френсиса Кеннеди. Его остроумие, врожденная интеллигентность и обаяние молодости полностью уничтожили соперника. Ни один президент не входил в Белый дом, опираясь на столь огромную поддержку населения. Он победил всех, кроме судьбы. Его жена умерла от рака накануне инаугурации.

Несмотря на личное горе, Френсис Завьер Кеннеди сумел реализовать первую часть своей программы. Еще во время предвыборной кампании он предпринял смелый ход, заранее назвав своих личных помощников, чтобы избиратели могли одобрить его выбор. Своим представителем в Конгрессе он назвал Оддблада Грея, чернокожего активиста. В вице-президенты выбрал женщину, подчеркнув, что она будет принимать активное участие в работе его администрации. В других назначениях он был более консервативен. Именно тщательно подобранные помощники помогли ему одержать первую победу: конгресс принял новый блок законов по социальному обеспечению, которые гарантировали всем трудящимся достойную старость. Налог на финансирование этих законов пришлось заплатить из своих прибылей гигантским американским корпорациям. Естественно, они мгновенно стали злейшими врагами президента.

Но после первой победы программа Кеннеди начала пробуксовывать. Законопроект о том, чтобы важнейшие вопросы выносились на референдум, не получил поддержки Конгресса. То же самое произошло и с законопроектом о национальной системе медицинского страхования. И сам Кеннеди уже не столь энергично штурмовал каменную стену, воздвигнутую перед ним Конгрессом. Нет, у Кеннеди и его помощников не опустились руки, однако все усилия не приносили результата.

И когда пошел последний год его пребывания в Белом доме, ощущение неминуемого поражения вызывало в Кеннеди всевозрастающую злость. Он знал, что отстаивает благородную идею, что дело его правое, что он ни в чем не может упрекнуть себя, что выбранный им путь служит исключительно процветанию Америки. Но, похоже, ни разум, ни мораль не играли решающей роли в политическом процессе.

* * *

Президент Кеннеди подождал, пока его ближайшие советники нальют себе чаю.

– Я, возможно, не буду баллотироваться на второй срок, – начал он. Посмотрел на вице-президента. – Элен, я хочу, чтобы ты начала готовиться к избирательной кампании.

Все остолбенели, а Элен Дюпрей улыбнулась президенту. Впрочем, советники прекрасно знали, что улыбка эта – грозное политическое оружие.

– Френсис, я думаю, что такое решение требует всестороннего обсуждения с твоими помощниками. И проводить его лучше в мое отсутствие. Но прежде чем уйти, я хочу сказать тебе следующее. Я прекрасно понимаю твое разочарование. Но поверь, я не смогла бы добиться лучшего результата, при условии, что меня выберут на этот пост. Я думаю, тебе надо запастись терпением. Твой второй срок окажется более эффективным.

– Элен, ты знаешь не хуже меня, – в голосе Кеннеди слышались нотки раздражения, – что в свой первый срок президент всегда добивается большего, чем во второй.

– В большинстве случаев это справедливо, – кивнула Элен Дюпрей. – Но, может, на второй срок ты получишь другой состав Палаты представителей. У меня есть и личные соображения. Мои позиции усилятся, если я прохожу в вице-президентах два срока, а не один. И твоя поддержка будет более весомой, если ты будешь выступать в ранге президента, отслужившего максимальный срок, а не президента, изгнанного из своего кабинета демократическим большинством Конгресса.

Она взяла со стола папку с материалами повестки дня, поднялась.

– Уходить тебе не обязательно, – попытался остановить ее Френсис Кеннеди.

Дюпрей обворожительно улыбнулась уже не только ему, но и всем присутствующим.

– Я уверена, что в мое отсутствие твои помощники смогут высказываться более откровенно. – И она покинула Желтую комнату.

Четверо мужчин, оставшихся за одним столом с Кеннеди, молчали. Всех четверых, его ближайших советников, он назначал лично, и ответственность они несли только перед ним. Президент словно превратился в некоего циклопа с одним мозгом и четырьмя дополнительными руками. Этими руками стали для него ближайшие помощники. Они же были и его лучшими друзьями и, после смерти жены, членами семьи.

После того как за Дюпрей закрылась дверь, мужчины закрыли папки с документами, потянулись к чаю и сэндвичам.

– Элен, похоже, в этой администрации самая умная, – как бы мимоходом бросил Юджин Дээзи, руководитель аппарата президента.

Кеннеди улыбнулся. Все знали слабость Дээзи к красивым женщинам.

– А что думаешь ты, Юдж? Ты тоже полагаешь, что мне надо набраться терпения и идти на второй срок?

Десять лет тому назад, когда Френсис Кеннеди пришел в большую политику, Юджин Дэззи возглавлял одну из крупнейших компьютерных корпораций. С конкурентами он не церемонился, проглатывая их одного за другим, но происходил он из бедной семьи и сохранил веру в социальную справедливость. Правда, базировалась она на здравом смысле, а не на романтическом идеализме. Он пришел к выводу, что процесс концентрации денег в руках все меньшего и меньшего количества людей приобретает в Америке угрожающие масштабы и в долгосрочной перспективе может стать угрозой демократии. И когда Френсис Кеннеди выдвинул лозунг истинной социальной справедливости, Дэззи взял на себя организацию финансовой поддержки, которая помогла Кеннеди стать президентом.

Этого добродушного здоровяка отличало умение сохранять хорошие отношения даже с теми, кому президент в чем-то отказывал, а то и просто переходил дорогу.

– А почему не идти? – ответил Дэззи после короткой паузы. – Работа тебя ждет непыльная. Конгресс будет указывать тебе, что надо делать, и отказывать в том, что тебе хотелось бы сделать. Все останется по-прежнему. За исключением внешней политики. Вот тут ты сможешь немного поразвлечься. Может, даже сделать что-нибудь полезное. Благо, возможности есть. Наша армия укомплектована на пятьдесят процентов. Мы даем нашим детям такое хорошее образование, что они становятся слишком умными, чтобы проявлять патриотизм. Наша техника и технология поднялись на небывалую высоту, но никто не хочет покупать наши товары. На наш торговый баланс нельзя смотреть без слез. Отступать тебе никак нельзя. Так что переизберись, расслабься и постарайся хорошо провести следующие четыре года. Какого черта, должность не самая плохая, да и деньги тебе пригодятся. – Дэззи улыбнулся и помахал рукой, показывая, что по крайней мере половина сказанного им – шутка.

Четверо помощников пристально наблюдали за Кеннеди, несмотря на внешнюю расслабленность. Никто не находил, что словам Дэззи недостает уважения к президенту. Игривость тона полностью соответствовала атмосфере, в которой проходили совещания три последних года.

Артур Уикс, советник по национальной безопасности, дородный мужчина с лунообразным лицом – отец его был евреем, мать – итальянкой, – мог подпустить и куда более резкую шпильку, но при этом и пост президента, и сам Кеннеди вызывали у него благоговейный трепет.

Уикс познакомился с Кеннеди десятью годами раньше, когда тот баллотировался в Сенат. Убежденный сторонник либеральных взглядов, он возглавлял кафедру этики и политологии в Колумбийском университете. Деньги он презирал, но при этом его состояние оценивалось числом со многими нулями. Их отношения быстро переросли в дружбу, основанную на общности взглядов на жизнь и блестящем интеллекте обоих. Кеннеди считал Артура Уикса самым умным человеком из тех, с кем ему доводилось иметь дело. Уикс думал, что Кеннеди – самый нравственный из политиков. Очень уж близкой их дружба не стала (исходя из таких предпосылок, и не могла стать), но они полностью доверяли друг другу.

Занимая пост советника по национальной безопасности, Артур Уикс полагал, что тон его должен быть серьезнее, чем у других. Убеждать он умел, а вот от нью-йоркского выговора избавиться не мог.

– Юдж, – он мотнул головой в сторону Дэззи, – возможно, думает, что шутит, но ты действительно можешь внести немалый вклад во внешнюю политику нашей страны. Мы обладаем куда более мощными рычагами влияния, чем думают в Европе или Японии. Я полагаю, ты просто обязан баллотироваться на второй срок. В конце концов, в вопросах внешней политики президент Соединенных Штатов обладает абсолютной властью.

Кеннеди повернулся к мужчине, сидевшему по его левую руку, Оддбладу Грею, самому молодому из его советников, лишь десять лет назад окончившему колледж. Но в политике он прошел долгий путь, начавшийся в движении черных леваков. Правда, потом был Гарвард и

стипендия Родса.⁵ Высокий, интересный, в колледже он проявил себя и блестящим ученым, и прекрасным оратором. В бунтарском поведении Грея Кеннеди сумел разглядеть врожденную дипломатичность, умение убеждать, не прибегая к прямым угрозам. Ему удалось завоевать доверие Грея, и он в полной мере использовал присущие ему талант, ум и обаяние, а также цвет кожи. Став убежденным сторонником Кеннеди, Грей уговорил его включиться в президентскую гонку. А Кеннеди назначил его своим представителем в Конгресс, которому предстояло пробивать внесенные администрацией законопроекты. Юношеский идеализм Грея вступил в противоречие с политической интуицией. И в определенном смысле потерпел поражение, когда Грей понял, как работает государственная машина, где надо убедить, где надавить, где временно отступить, а где честно признать поражение.

– Отто, скажи хоть слово.

– Уходи, – ответил Грей. – Пока ты всего лишь проигрываешь. – Кеннеди улыбнулся, остальные рассмеялись. Грей продолжил: – Хочешь знать мое мнение? Я согласен с Дэззи. Конгресс срет на тебя, пресса кусает за задницу. Лоббисты и крупный бизнес задушили все твои программы. А рабочий класс и интеллектуалы считают, что ты их предал. Ты ведешь этот огромный «Кадиллак» под названием Америка, а мощности не хватает даже на то, чтобы повернуть руль. И ты хочешь дать всем маньякам этой страны еще четыре года, чтобы они вновь и вновь пытались вышибить из тебя мозги. Нет уж, лучше нам всем убраться отсюда.

Приятное ирландское лицо Кеннеди расплылось в широкой улыбке, синие глаза засверкали.

– Очень забавно. Но давайте поговорим серьезно. – Он уже понимал, что они пытаются зацепить его гордость и таким образом убедить в необходимости баллотироваться на второй срок. Никому из них не хотелось покидать этот центр власти, Вашингтон, Белый дом. Лучше быть львом без клыков, чем шакалом. – Вы хотите, чтобы я переизбирался. Но ради чего?

– Чертовски верно, – кивнул Грей, – я хочу, чтобы ты переизбирался. Я вошел в твою администрацию, потому что ты просил меня помочь моим людям. Я верил в тебя тогда, верю и сейчас. Мы помогали тебе, мы можем помогать еще больше. Много чего еще надо сделать. Богатые богатеют, бедные беднеют, и только ты можешь это изменить. Не прекращай борьбы.

– Но как мне победить в этой борьбе? Сократовский клуб, по существу, контролирует Конгресс.

Грей повернулся к своему боссу:

– О таких мыслях надо забыть. Посмотри, чего мы добились, несмотря на жесткое противодействие. Даже если мы не победим, мы ни в чем не сможем упрекнуть себя. Потому что сделаем все, что в наших силах.

На какое-то время в комнате повисла напряженная тишина, все вроде бы вспомнили, что не высказался еще один человек, пользовавшийся наибольшим влиянием на Френсиса Кеннеди. Кристиан Кли. Взгляды присутствующих скрестились на нем.

Кли относился к Кеннеди чуть ли не с благоговением, хотя они были близкими друзьями. Кеннеди это всегда удивляло, поскольку Кли ценил личную храбрость и знал, что Кеннеди боится покушений. Именно Кристиан, уговаривая Кеннеди включиться в президентскую гонку, гарантировал ему личную безопасность при условии, что его назначат генеральным прокурором, директором ФБР и руководителем Секретной службы. Так что теперь он контролировал всю систему внутренней безопасности Соединенных Штатов. Кеннеди пришлось заплатить

⁵ Стипендия Родса – престижная английская стипендия для учебы в Оксфордском университете, предназначенная для выдающихся молодых людей из Соединенных Штатов и стран Содружества – бывших английских колоний. Ее могут получить люди выдающихся способностей в возрасте 19–25 лет, неженатые, занимающиеся спортом и обладающие твердым характером, окончившие по крайней мере два курса университета или колледжа высшей ступени. США получают чуть больше трети общей квоты – 32 стипендии ежегодно.

за это немалую политическую цену: кандидаты Конгресса получили два места в Верховном суде и пост посла в Великобритании.

Кеннеди тоже смотрел на Кли, и, наконец, тот заговорил:

– Вы знаете, что больше всего тревожит жителей этой страны? Плевать они хотели на международные отношения. Плевать они хотели на экономику. Пусть половина суши превратится в пустыню, им без разницы. А тревожит их то, что ни в больших, ни в маленьких городах они не могут ночью выйти на улицу, не опасаясь, что их ограбят. И они не могут спокойно спать в собственных постелях, бояться, что в дом заберутся грабители или убийцы. У нас правит анархия. Государство не выполняет свою часть социального контракта, не может защитить всех и каждого. Женщины живут под страхом изнасилования, мужчины – под страхом смерти. Нас засасывает в болото, где правят звериные законы. Богатые пожирают людей экономически, преступники режут бедняков и средний класс. И ты, Френсис, единственный, кто может вывести нас на твердую сушу. Я в это верю, я верю, что ты можешь спасти эту страну. Поэтому я и работаю у тебя. А теперь ты хочешь нас бросить. – Кли помолчал. – Ты должен попытаться еще раз, Френсис. Использовать следующие четыре года.

Слова Кристиана Кли тронули президента Кеннеди. Он видел, что эти четверо мужчин по-прежнему верят в него. И хотя он понимал, что, манипулируя ими, он где-то заставил их произнести эти слова, заставил подтвердить их веру в него, заставил взять на себя часть лежащей на нем ответственности. Он одарил их искренней улыбкой.

– Я над этим подумую.

Фразу эту помощники президента восприняли как разрешение удалиться, и за столом остался только Кристиан Кли.

– Тереза приедет на праздники? – как бы мимоходом спросил Кристиан.

Кеннеди пожал плечами:

– Она в Риме с новым бойфрендом. Должна прилететь в первый день Пасхи. Как обычно, религиозные праздники она игнорирует.

– Я рад, что она возвращается, – заметил Кристиан. – В Европе я не могу обеспечить ее безопасность. И она думает, что там она может говорить, что угодно, а здесь ничего не узнают. – Он помолчал. – Если ты будешь баллотироваться на второй срок, тебе придется держать ее под замком или отказаться от нее.

– Не смогу. Если я буду баллотироваться на второй срок, мне понадобятся голоса радикальных феминисток.

Кристиан рассмеялся.

– Ладно. А теперь насчет дня рождения Оракула. Он очень ждет этого торжества.

– Не волнуйся. Я все устрою по полной программе. Господи, ему сто лет. А он все ждет своего дня рождения.

– Он был и остается великим человеком.

Кеннеди коротко глянул на генерального прокурора:

– Ты всегда любил его больше, чем я. У него есть недостатки, и он ошибался.

– Разумеется, – кивнул Кли. – Но он, как никто другой, контролировал свою жизнь. А его советы, его наставления полностью изменили мою жизнь. – Последовала короткая пауза. – Я обедаю с ним сегодня. Могу я сказать, что его день рождения отметят в Белом доме?

Кеннеди сухо улыбнулся:

– Безусловно.

* * *

В конце дня Кеннеди подписал какие-то документы в Овальном кабинете, а потом долго сидел за столом, глядя в окно. Он видел верхушки штырей металлического забора, окружаю-

щего территорию Белого дома, белую, находящуюся под током проволоку. Как всегда, его беспокоила близость улиц и публики, хотя он и знал: уязвимость Белого дома – иллюзия. Его очень хорошо охраняли. Белый дом окружали семь линий защиты. В каждом здании, расположенном в радиусе двух миль, на крыше или в специально снятых квартирах дежурили агенты Секретной службы. На всех улицах, ведущих к Белому дому, находились командные посты, оснащенные пулеметами и базуками. Туристов, сотни которых каждое утро наводняли первый этаж Белого дома, щедро разбавляли агенты Секретной службы. Каждый квадратный дюйм помещений, куда допускались туристы, просматривался видеокамерами и прослушивался высокочувствительными микрофонами, которые улавливали даже шепот. Во всех коридорах, у каждого поворота дежурили вооруженные охранники. Сидели они за бронированными столами, которые при необходимости превращались в баррикады. И в часы, отведенные для посетителей публики, Кеннеди практически всегда находился на новом, недавно построенном четвертом этаже, где располагались его личные апартаменты. С бронированными полами, стенами, потолками.

И теперь, сидя в знаменитом Овальном кабинете, куда он заглядывал разве что для подписания официальных документов в ходе особо важных церемоний, Френсис Кеннеди позволил себе на несколько минут расслабиться. Взял из деревянного ящичка длинную тонкую кубинскую сигару, обрезал кончик, неторопливо раскурил, глубоко затянулся, вновь бросил взгляд на пуленепробиваемое стекло.

Вдруг увидел себя ребенком, шагающим по зеленой травке лужайки, потом бегущим к дяде Джону и дяде Роберту. Как же он их любил! Дядя Джон, такой обаятельный и при этом облеченный огромной властью. Дядя Роберт, такой серьезный и такой добрый. Нет, подумал Френсис Кеннеди, мы звали его дядя Бобби, не Роберт. Или иногда Роберт? Вспомнить не удавалось.

Но он помнил, как однажды, более сорока лет назад, когда он подбежал к своим дядям, они взяли его за руки, подняли и понесли к Белому дому, так, что его ноги не касались земли.

А теперь он занял их место. Власть, вызывавшая в нем трепет, теперь принадлежала ему. Но воспоминания эти вызвали и острую боль. Они умерли за правое дело, а у него вдруг возникло желание отказаться от борьбы, сдаться...

Но Френсис Кеннеди не мог знать, что в Риме два никому не известных революционера готовятся изменить не только его планы, но и весь мир.

Глава 2

Утром первого дня Пасхи Ромео и его группа в составе четырех мужчин и трех женщин выгрузились из минивэна в установленном месте. Улицы, ведущие к площади Святого Петра, уже запрудила толпа нарядно одетых людей: женщины в платьях пастельных тонов и изящных шляпках, мужчины в светлых шелковых костюмах с пальмовым крестиком на лацкане, маленькие девочки в перчатках и белоснежных платьицах, мальчики в синих костюмчиках, красных галстуках и снежно-белых рубашках, готовящиеся к церемонии конфирмации. Тут и там в толпе мелькали священники, с улыбкой вззирающие на паству.

А вот лицо Ромео оставалось серьезным. В этот день он надел черный костюм, белую накрахмаленную рубашку, белый, практически неотличимый от нее галстук и черные, на резиновой подошве туфли. Плащ из тонкого кашемира скрывал винтовку, закрепленную в специальной петле. Три последних месяца он стрелял из этой винтовки, так что теперь мог попасть в мелкую монету.

Четверо мужчин были в коричневых рясах монахов-капуцинов, перепоясанных широкими ремнями из плотной материи. На выбритых макушках красовались коричневые шапочки. Под рясами прятались ручные гранаты и пистолеты.

Три женщины, в том числе и Энни, вырядились монахинями, в черное с белым. И они были вооружены. Энни и две женщины двинулись первыми. Люди расступались перед ними, освобождая проход. За ними следовал Ромео, а четыре монаха шагали в арьергарде, замечая все и вся, готовые вмешаться, если Ромео остановит полиция.

Ромео и его группа без происшествий добрались до площади Святого Петра и растворились в собирающейся там толпе. А затем вынырнули у дальнего края площади, там, где их спины охраняли мраморные колонны и каменная стена. Ромео встал чуть в стороне от остальных. Он ждал сигнала с другой стороны площади, где Джабрил и его люди прикрепляли фигурки распятого Христа к стенам.

Группа Джабрила состояла из трех женщин и трех мужчин. Последние, в пиджаках свободного покроя, скрывающих от посторонних глаз пистолеты, охраняли женщин, которые занимались фигурками, начиненными взрывчаткой, с детонаторами, срабатывающими по радиосигналу. Клей, нанесенный на контактную поверхность, намертво схватывался со стеной, так что случайный зевака оторвать бы фигурку не смог. А сами фигурки, очень красивые, с наружным слоем из терракоты, без труда могли сойти за пасхальное украшение площади Святого Петра.

Завершив свою часть операции, Джабрил и его люди двинулись сквозь толпу к ожидающему их минивэну. Один из мужчин отправился к Ромео, чтобы передать ему радиопередатчик, активирующий детонаторы. Потом Джабрил и его люди уселись в минивэн и поехали в аэропорт. До появления папы Иннокентия на балконе оставалось три часа. Все шло по заранее намеченному плану.

Сидя в катящемся по шоссе минивэне, Джабрил думал о том, как все начиналось...

* * *

Несколькими годами раньше, во время одной из операций, Ромео упомянул о том, что ни у одного европейского государственного деятеля нет такой мощной охраны, как у папы. Джабрил, рассмеявшись, ответил: «Да кому захочется убивать папу? Кто убивает змею, у которой вырваны зубы? Беспольный старикан, окруженный дюжиной таких же стариканов, всегда готовых занять его место. Перезревшие женихи Христа, коллекция красношапочных мумий. И

что может изменить смерть папы? Похитить его – другое дело. Он – самый богатый человек на Земле. А убить... Толку от этого не больше, чем от убийства греющей на солнце ящерицы».

Ромео, однако, стоял на своем, чем и заинтриговал Джабрила. Папу почитают миллионы католиков во всем мире. И папа, несомненно, символ капитализма. Буржуазные христианские западные государства об этом позаботились. Папа – один из столпов власти, на которых покоится это общество. Убийство папы вызовет шок в стане врага, потому что он считается представителем бога на Земле. Государей России и Франции убили, они тоже полагали себя помазанниками божьими, и эти убийства послужили прогрессу человечества. Бог – это выдумка богатых, которая нужна для того, чтобы дурить головы бедным. Папа – средоточие зла. Джабрил творчески развил предложенную Ромео идею. И теперь операция приобрела завороживший Ромео блеск. Да, Джабрил остался доволен собой.

Джабрил не считал Ромео настоящим революционером, несмотря на его готовность к самопожертвованию. Джабрил изучил историю итальянских террористов. В умении убивать глав государства они добились больших успехов, творчески переработали уроки русских, которые все-таки убили своего царя после многих неудачных попыток. Именно у русских итальянцы позаимствовали название, вызывавшее у Джабрила пренебрежительную усмешку: Христы Насилия.

Однажды Джабрил встретился с родителями Ромео. Отец – бездельник, паразит, присосавшийся к телу человечества. Вместе с шофером, слугой и большим, с барана, псом, которого он использовал как приманку, чтобы снимать женщин на бульварах. Но с безупречными манерами. И мог очаровать любого, за исключением собственного сына.

Мать – еще одно порождение капиталистической системы, охочая до денег и драгоценностей, ревностная католичка. Прекрасно одетая, окруженная служанками, каждое утро идущая к мессе. Чтобы остальное время посвятить удовольствиям. Как и ее муж, она ни в чем себе не отказывала, меняла мужчин, но любила только своего единственного сына Ромео.

И теперь эту счастливую семейку ждало наказание. Отец – кавалер Мальтийского ордена, мать – набожная женщина, а их сын – убийца папы. Каково предательство, думал Джабрил, бедный Ромео, после того, как я тебя предаю, на твою долю выпадет тяжелая неделя.

Ромео знал план всей операции, за исключением последнего штриха, который Джабрил держал при себе. «Как шахматная партия, – говорил Ромео. – Шах, шах и мат. Изумительно».

* * *

Джабрил взглянул на часы. Еще пятнадцать минут, и они в аэропорту. Минивэн катил по шоссе, строго соблюдая все правила дорожного движения. Пора переходить от грез к делу.

Он собрал у своих людей оружие и гранаты, сложил все в чемодан. Когда минивэн остановился у здания аэропорта, Джабрил вышел первым. Минивэн покатил дальше, чтобы высадить остальных у другого входа. Джабрил с чемоданом в руке медленным шагом вошел в здание, поглядывая по сторонам, выискивая переодетых сотрудников службы безопасности. У самого контрольно-пропускного пункта свернул в маленький магазинчик, торгующий цветами и сувенирами. На двери висела табличка «ЗАКРЫТО». Во-первых, она означала, что путь свободен, во-вторых, гарантировала отсутствие в магазине посторонних людей.

За прилавком стояла сильно накрашенная блондинка с невыразительными чертами лица, но очень приятным, завлекающим голосом. Простенькое облегающее трикотажное платье подчеркивало достоинства ее пышной фигуры.

– Вы уж меня извините, но мы не работаем. Вы же видели табличку. Все-таки первый день Пасхи. – Голос звучал дружелюбно. И она тепло улыбнулась.

Джабрил ответил заранее оговоренной фразой:

– Христос воскрес, но мне все равно надо ехать по делам.

Она протянула руку, взяла чемодан.

– Самолет вылетает по расписанию? – спросил Джабрил.

– Да. У тебя в запасе час. Изменения будут?

– Нет. Но помни, теперь все зависит от тебя. – И он вышел из магазина.

Женщину эту он видел в первый и последний раз, и она знала только об этом этапе операции. Он посмотрел на табло вылетов. Да, никаких задержек.

Женщина эта входила в Первую сотню. Владелец магазина устроил ее на работу три года назад, и все это время она осторожно налаживала доверительные отношения с сотрудниками аэропорта и службы безопасности. Проносить вещи мимо сканеров, стоящих на КПП, и передавать их отлетающим пассажирам вошло у нее в привычку. Прodelывала она это не каждый день и даже не каждую неделю, но достаточно часто. А на третий год работы завязала роман с одним из охранников. В этот день ее любовник дежурил на КПП: она пообещала ему ленч и сладкое в задней комнатке магазинчика. Вот он и вызвался работать в первый день Пасхи.

Все необходимое для ленча уже лежало на столе. В задней комнате она быстренько переложила оружие и гранаты в ярко раскрашенные подарочные коробочки от Гуччи. Сами коробочки уместила в розовато-лиловом пакете из плотной бумаги. Подождала, пока до отлета осталось двадцать минут. А потом с пакетом в обнимку (очень тяжелым, она боялась, что ручки не выдержат) неуклюже побежала к КПП. Ее любовник, естественно, пропустил ее мимо сканера. Она осчастливила его многообещающей улыбкой. Когда она появилась в самолете, стюардесса узнала ее и рассмеялась: «Опять, Ливия». Женщина прошла в салон экономического класса, заметила Джабрила и его людей, направилась к ним. Одна из спутниц Джабрила протянула руки, чтобы взять тяжелый пакет.

Женщина, которую стюардесса назвала Ливией, с радостью избавилась от пакета, повернулась и выбежала из самолета. Вернувшись в магазин, скоренько закончила приготовление ленча.

Охранник Фаэнци относился к тому типу итальянских мужчин, которых природа создает исключительно на радость женщинам. И смазливая внешность была самой малой из его добродетелей. Он отличался и ровным, покладистым характером, свойственным только тем, кто полностью доволен собой, чьи честолюбивые помыслы не распространяются выше должности, которую он занимает. Униформу охранника Фаэнци носил с таким видом, словно он – наполеоновский маршал, а его ухоженные усики в глазах женщин смотрелись ничуть не хуже, чем в глазах мужчин чуть вздернутый носик субретки. Всем своим видом Фаэнци показывал, что делает очень важную и нужную работу, которую можно поручить далеко не всем. Проходящих мимо женщин он одаривал нежной и ласковой улыбкой, потому что они находились под его защитой. Ливия заметила его сразу, как только он появился в аэропорту в униформе охранника, и занялась им вплотную. Поначалу он позволял себе лишь вежливые комплименты, но она игривыми намеками, маленькими, но приятными подарками и вечерними чашечками кофе (вскоре кофе дело не ограничивалось) в задней комнате магазина перевела их отношения на другой уровень. И теперь он любил ее, вернее, был предан ей, как пес – доброй хозяйке. У нее он всегда мог рассчитывать на угощение.

И Ливии он нравился. Каждая женщина может только мечтать о страстном любовнике без единой серьезной мысли в голове. В постели он давал сто очков вперед мрачным революционерам, которые либо мучились угрызениями совести, либо подавляли чувство вины.

Он стал ее домашним зверьком, и она ласково называла его Зонци. Когда он вошел в магазинчик и запер дверь, она устремилась к нему, светясь любовью и страстью, в глубине души жалея его. Бедный Зонци, антитеррористическое управление итальянской полиции скоро во всем разберется, отметит ее исчезновение. Зонци, без сомнения, хвастался своей победой. В конце концов, женщина она зрелая, опытная, ее честь защиты не требовала. Их связь, конечно же, всплывет на поверхность. Бедный Зонци, этот ленч станет последним часом его счастья.

Прежде всего они быстренько и со вкусом трахнулись. Ливия не без иронии отметила, что это тот самый случай, когда можно получить удовольствие, одновременно служа революции. А Зонци будет наказан за его гордыню и самодовольство, за то, что польстился на любовь старшей по возрасту женщины. Она одержит как тактическую, так и стратегическую победу. И все же бедный Зонци. Как ты прекрасен! Смуглая кожа, большие глаза, черные волосы, аккуратные усики, пенис, твердый, как бронза. «Ах, Зонци, Зонци, – прошептала она меж его бедер. – Всегда помни, что я тебя люблю».

Она накормила его, они выпили бутылку отличного вина, вновь трахнулись. Зонци оделся, поцеловал ее на прощание, на его лице ясно читалась уверенность в том, что он заслужил право на такую счастливую жизнь. После его ухода она оглядела магазин. Собрала свои вещи, кое-какие дорогие сувениры, сложила все в чемодан Джабрила. Она выполняла инструкции: в магазине не должно остаться следов появления Джабрила. Попыталась стереть свои отпечатки пальцев, хотя понимала, что это напрасный труд. Где-то они да останутся. С чемоданом в руке переступила порог, заперла дверь магазина, вышла из здания аэропорта. Яркое светило солнце, женщина из ее группы ждала в автомобиле. Ливия поставила чемодан в багажник, села на переднее сиденье, поцеловала женщину.

– Слава богу, все закончилось. – В голосе слышалось сожаление.

– Может, оно и к лучшему, – ответила женщина. – На магазине мы даже заработали.

Джабрил и его люди летели экономическим классом, потому что Тереза Кеннеди, дочь президента Соединенных Штатов, и шестеро охраняющих ее агентов Секретной службы путешествовали первым классом. Джабрил не хотел, чтобы передача замаскированного под подарки оружия происходила у них на глазах. Он также знал, что Тереза Кеннеди появится в самолете лишь в самую последнюю минуту, а агенты Секретной службы не удосужатся заранее осмотреть самолет. Во-первых, Тереза Кеннеди славилась тем, что в любую минуту могла поменять прежнее решение, а, во-вторых, по мнению Джабрила, потому что разленились и расслабились.

В самолете, аэробусе, хватало пустых кресел. В Италии нашлось не так уж много людей, решивших отправиться в Америку в первый день Пасхи, и Джабрилу оставалось только гадать, почему дочь президента остановила свой выбор именно на этом рейсе. В конце концов, она была католичкой, пусть в последние годы и приобщилась к новой религии, которую исповедовали либеральные леваки. Его такая ситуация очень даже устраивала: меньшее число заложников упрощало контроль над ними.

Часом позже, когда самолет уже находился в воздухе, Джабрил наклонился вперед, а женщины начали раскрывать коробочки от Гуччи. Мужчины встали, повернулись к женщинам, заслоняя их своими телами от посторонних взглядов. Рядом пассажиров не было, так что им никто не мешал. Гранаты женщины передавали Джабрилу, а он быстро закреплял их на поясе. Трое мужчин получили пистолеты, которые исчезли в карманах пиджаков. Один пистолет взял Джабрил, вооружились и женщины.

Как только розово-лиловый пакет опустел, Джабрил подозвал стюардессу, которая шла по проходу. Она увидела гранаты и пистолет еще до того, как Джабрил прошептал ей несколько слов и взял за руку. Изумление, шок, страх, по очереди отразившиеся на лице стюардессы, он видел не впервые. А потому ободряюще ей улыбнулся. Двое мужчин встали так, чтобы контролировать весь салон. Джабрил так и держал стюардессу за руку, когда они вошли в салон первого класса. Агенты Секретной службы сразу увидели и гранаты, и пистолет. Джабрил улыбнулся и им:

– Оставляйтесь на своих местах, господа.

Дочь президента медленно повернулась к нему и заглянула в глаза Джабрила. Лицо ее превратилось в маску, но испуга он не увидел. Храбрая девочка, подумал Джабрил, и симпатичная. Жаль, что жить ей осталось совсем ничего. Он подождал, пока его женщины усядутся

в салоне первого класса, а потом приказал стюардессе открыть дверь в кабину пилотов. Джабрил входил в мозг гигантского кита, чтобы обездвигить все его тело.

* * *

Когда Тереза Кеннеди в первый раз увидела Джабрила, по ее телу внезапно пробежала дрожь. Подсознательно она узнала его. Вот он, демон, о котором ее предупреждали. На узком смуглом лице читалась жестокость. Тяжелая нижняя челюсть превращала его в монстра из ночного кошмара. Гранаты, висевшие на поясе, напоминали зеленых лягушек. Потом она увидела трех женщин в темных брюках и светлых пиджаках, вооруженных автоматическими пистолетами. И шок сменился острым чувством вины. Черт, она-таки втянула отца в передрагу. Не следовало ей пренебрегать советами Секретной службы. Она наблюдала, как Джабрил, держа стюардессу за руку, идет к кабине пилотов. Повернулась к начальнику своей охраны, но тот не отрывал взгляда от вооруженных женщин.

В этот момент один из спутников Джабрила вошел в салон первого класса с гранатой в руке. Женщина заставила другую стюардессу взять в руки микрофон громкой связи. Из динамиков послышался чуть дрожащий голос: «Всем пассажирам пристегнуть ремни. Самолет захвачен революционной группой. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и ждите дальнейших инструкций. Не вставайте. Не трогайте ручную кладь. Не покидайте своих мест. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Сохраняйте спокойствие».

В кабине пилот увидел входящую стюардессу и возбужденно воскликнул: «По радио только что передали, что кто-то стрелял в папу!» Тут он увидел Джабрила, вошедшего следом за стюардессой, и его губы изумленно округлились. Когда же он увидел гранату, то просто лишился дара речи. Но пилот сказал: «...стрелял в папу». Означало ли это, что Ромео промахнулся? Неужели операция провалилась? В любом случае альтернативы у Джабрила не было. Он приказал пилотам изменить курс и лететь в арабское государство Шерхабен.

* * *

В человеческом море, залившем площадь Святого Петра, Ромео и его группа дрейфовали у каменной стены, образовав маленький островок. Энни в одеянии монахини стояла перед Ромео, который держал винтовку наготове, хотя до появления папы оставалось почти три часа. Ей поручалось прикрыть Ромео, дать ему возможность выстрелить даже ценой своей жизни. Остальные террористы, также в монашеских одеяниях, стояли кружком, чтобы толпа не затерла Ромео.

Ромео привалился спиной к каменной стене, прикрыл глаза, мысленно повторил все этапы намеченной операции. Как только появится папа, он, Ромео, коснется плеча мужчины, стоявшего слева от него, и тот подаст радиосигнал, взрывающий статуэтки, прикрепленные к противоположной стене. В момент взрыва он выхватит винтовку и выстрелит – время надо рассчитать очень точно, чтобы выстрел приняли за эхо от взрывов. Потом бросит винтовку на землю и в окружении своих монахов и монахинь бросится бежать вместе с остальными. Статуэтки играли роль и дымовых шашек, так что площадь Святого Петра к тому времени начнет затягивать дымом. Те люди, что сейчас стояли неподалеку, представляли собой потенциальную опасность, поскольку могли увидеть, что он делает, но хаотичное движение толпы тут же унесет их в сторону. А если кто попытается его преследовать, тут же получит пулю.

Ромео чувствовал пробивающий его холодный пот. Он смотрел на размахивающую цветами толпу, превратившуюся в море белого и пурпурного, розового и алого. Думал об их радости, об их вере в воскресение Христа, экстазе, в который повергала их надежда в победе над

смертью. Вытер руки о пальто, ощутил тяжесть винтовки, оттягивающей плечо. Тупая боль разлилась по ногам. Чтобы скоротать время, Ромео ушел мыслями в себя.

Перед ним возникли сцены из далекого прошлого. К конфирмации его готовил романтический священник, и он знал, что один из старших кардиналов в неизменной красной шапочке удостоверял смерть папы, похлопывая его по лбу серебряным молоточком. Неужели все осталось по-прежнему? На этот раз молоточек сильно запачкается кровью. И каких он размеров? Достаточно большой и тяжелый. Чтобы забить гвоздь? И, разумеется, это очень древний молоток, реликвия Ренессанса, украшенный драгоценными камнями, не орудие производства, а произведение искусства. Не важно, на этот раз стучать будет не по чему. Винтовка, что висела у него под плащом, стреляла разрывными пулями. И Ромео знал, что не промахнется. Он же был левшой, а левшам, как известно, всегда сопутствовал успех в спорте, любви и убийствах.

Ожидая, Ромео задавался вопросом, а почему у него нет ощущения того, что он готовится совершить святотатство. Все-таки его воспитывали в строгих католических традициях, в городе, где каждый дом и улица напоминали о зарождении христианства. Даже отсюда он видел крыши святых зданий, слышал перезвон колоколов. Площадь украшали статуи святых мучеников, воздух наполняли ароматы весенних цветов, которые принесли с собой тысячи и тысячи верящих в Христа.

Ароматы эти напомнили ему об отце и матери, которые всегда пользовались одеколоном и духами, чтобы скрыть запах, идущий от тела.

И, наконец, толпа начала скандировать: «*Papa, papa, papa!*» Залитые солнечным светом, окруженные каменными святыми и ангелами, люди с нетерпением ждали благословения своего папы. На балконе появились два кардинала в красном, распростерли руки, призывая к вниманию. А мгновение спустя на балкон вышел папа.

Глубокий старик в белоснежных одеяниях, с золотым крестом на груди, шерстяном плаще, расшитом крестами. В белой шапочке на голове и красных открытых башмаках, также с крестами. Приветствуя толпу, он поднял руку с перстнем Святого Петра на пальце.

Цветы взлетели в воздух, толпа восторженно заревела, балкон замерцал на солнце, словно падая в море цветов.

В этот самый момент Ромео почувствовал ужас, который всегда вызывали у него все эти символы христианства, вспомнил кардинала в красной шапочке на конфирмации, с лицом, изрытым оспинами, как у дьявола, и тут же его охватила радость, близкая к блаженству. Он хлопнул по плечу мужчину, стоявшего слева.

Папа тем временем поднял обе руки, отвечая на крики: «*Papa, papa!*» – благословляя всех, радуясь Пасхе, воскресению Христа, салютуя каменным ангелам и святым, плывущим над стенами. Ромео вытащил винтовку из-под плаща. Двое монахов опустили на колени, чтобы их головы не мешали Ромео прицелиться. Энни встала так, чтобы Ромео мог положить винтовку ей на плечо. Мужчина слева подал радиосигнал, взрывающий статуэтки, закрепленные на стене по другую сторону площади Святого Петра.

От взрывов содрогнулась земля, клубы розового дыма поплыли в воздухе, аромат цветов заглушил запах горелой плоти. В этот самый момент Ромео, прицелившись, нажал на спусковой крючок. Радостный рев сменился криками отчаяния. На балконе папу словно оторвало от пола, белая шапочка свалилась с его головы и окровавленной тряпкой полетела вниз, в толпу. Вопль ужаса исторгся из тысяч глоток, когда тело папы безжизненно повисло на парапете балкона. Золотой крест болтался в воздухе, белоснежный плащ все сильнее окрашивался красным.

Дым смешивался с каменной пылью. Со стен падали мраморные ангелы и святые. На какое-то мгновение толпа обмерла, глядя на убитого папу. Все видели, что ему разнесло голову. А потом началась паника. Люди бросились бежать, сметая швейцарских гвардейцев, которые пытались перекрыть выходы с площади.

Ромео бросил винтовку. Окруженный вооруженными монахами и монахинями, позволил толпе вынести себя на улицы Рима. Он словно ослеп, его шатало из стороны в сторону. Энни держала его под руку, втолкнула в ожидающий их минивэн. Ромео прижал руки к ушам, чтобы заглушить крики. Его трясло, но уже не столько от шока, как от безмерного счастья: его мечта стала явью.

* * *

Аэробус, летящий из Рима в Нью-Йорк, находился под полным контролем Джабрила и его людей, в салоне первого класса из пассажиров осталась только Тереза Кеннеди.

Терезу происходящее скорее интриговало, нежели пугало. Ее поразила легкость, с которой угонщики нейтрализовали ее телохранителей: обвешали их взрывчаткой. Сие означало, что любая пуля могла привести к взрыву, который разнес бы самолет в клочья. Она заметила, что у троих женщин и троих мужчин лица перекошены от напряжения, словно у великих спортсменов в мгновения наивысшей концентрации. Мужчина-угонщик вытолкнул одного из агентов из салона первого класса и погнал дальше по проходу в хвост самолета. Женщина-угонщица стояла чуть в стороне с пистолетом в руке. Когда другой агент не пожелал покидать соседнее с Терезой кресло, женщина навела пистолет на его голову. Прищурилась, всем своим видом показывая, что сейчас нажмет на спусковой крючок. Губы ее чуть разошлись, растянутые сократившимися лицевыми мышцами. Тереза оттолкнула охранника, заступила между ним и женщиной-угонщицей. Та чуть усмехнулась, пистолетом указала ей на кресло.

Тереза наблюдала, как Джабрил руководит операцией. Чем-то он напоминал режиссера, наблюдающего за игрой актеров. Приказов он не отдавал, ограничиваясь намеками, предложениями. Улыбкой, взглядом он дал ей понять, что надо сесть. Он словно показывал Терезе, что она интересует его больше других. Потом он прошел в кабину пилотов. Один из мужчин-угонщиков контролировал выход из первого салона. Две вооруженные пистолетами женщины сидели напротив Терезы. Стюардесса с микрофоном громкой связи в руке передавала пассажирам короткие распоряжения, полученные от другого мужчины-угонщика. Все угонщики казались очень уж маленькими, чтобы внушать такой ужас.

В кабине Джабрил разрешил пилоту сообщить по радио, что самолет захвачен революционной группой и берет курс на Шерхабен. Пусть американские власти думают, что им придется иметь дело с обычными арабскими террористами. Во время радиопереговоров Джабрил оставался в кабине пилотов.

Пока самолет находился в воздухе, им оставалось только ждать. Перед мысленным взором Джабрила возникла Палестина, его дом – зеленый оазис посреди желтой пустыни, отец и мать, подобные ангелам света, прекрасный Коран, лежавший на столе отца. Потом этот рай заволокло серым дымом взрывов. Пришли израильтяне и вышвырнули его в ад, жителей которого объединяла ненависть к евреям. Тем самым евреям, которых хвалил Коран.

Он помнил, что даже в университете некоторые из учителей, комментируя неудачно выполненную курсовую, говорили: «Арабская работа». Джабрил сам как-то произнес эту фразу, обращаясь к оружейнику, который дал ему винтовку, заклинившую на первом же выстреле. Что ж, зато ни у кого не повернется язык назвать «арабской работой» сегодняшний захват самолета.

Он всегда ненавидел евреев, нет, не евреев, израильтян. Ему запомнился один эпизод из детства. Ему было не больше пяти, когда израильские солдаты проводили «зачистку» в лагере палестинских беженцев, в котором находилась его школа. Они получили ложную информацию – «арабская работа», – что в поселении прячутся террористы. Все жители получили приказ с поднятыми руками выйти из домов на улицы. Включая детей, которые занимались в длинном, выкрашенном в желтый цвет вагончике, стоявшем в отдалении от жилых домов. Джаб-

рил и другие мальчики и девочки его возраста сбились в кучку. Все подняли ручонки, многие плакали и кричали от страха. И Джабрил навсегда запомнил одного из молодых израильских солдат, наверное, из иммигрантов, белокурого, как нацист, который в ужасе смотрел на детей, пока по его щекам не покатились слезы. Израильянин опустил автомат и приказал детям опустить руки. Не надо бояться, сказал он им, маленьким детям нечего бояться. Израильянин отлично говорил на арабском, дети его поняли, но продолжали стоять с поднятыми руками. Плачущий солдат подошел к ним, начал каждому опускать руки. Джабрил не смог забыть этого солдата, а потом, повзрослев, дал себе слово не становиться таким, как он, не давать жалости взять верх над прочими чувствами.

И теперь, глядя в иллюминатор, он видел под собой пески Аравийского полуострова. Полет близился к завершению. Еще чуть-чуть – и они приземлятся в султанате Шерхабен.

По величине территории Шерхабен входил в число самых маленьких стран планеты, но обладал гигантскими запасами нефти, а потому сотни детей и внуков первого султана ездили исключительно на «Мерседесах» и обучались в лучших университетах Запада. Самому султану принадлежали громадные промышленные корпорации в Соединенных Штатах и Германии, и умер он одним из самых богатых людей на Земле. Лишь один из внуков, Мауроби, сумел выжить в кровавых заговорах, устроенных его сводными братьями, и теперь правил султанатом.

Султан Мауроби фанатично читал заповеди ислама и не терпел иноверцев. Соответственно и жители султаната, теперь поголовно богачи, были не менее набожными мусульманами. Ни одна женщина не появлялась на улице без паранджи. Никто не ссужал деньги под проценты. А спиртное в султанате водилось только в посольствах иностранных государств.

Давным-давно Джабрил помог султану укрепить свою власть, убив его четверых самых опасных сводных братьев. Из чувства благодарности и ненависти к великим державам султан согласился помочь Джабрилу в осуществлении этой операции.

Самолет с угонщиками и заложниками приземлился и медленно покати к маленькому стеклянному зданию аэропорта, поблескивающему в солнечных лучах. Бесконечные ряды нефтяных вышек уходили в пустыню. Когда самолет остановился, Джабрил увидел, что летное поле окружено солдатами Мауроби. Ему показалось, что их никак не меньше тысячи.

Теперь начинался самый сложный и опасный этап операции. Ему требовалось соблюдать предельную осторожность, во всяком случае, до тех пор, как Ромео не окажется в заранее обговоренном месте. И он рассчитывал, что султан во всем поддержит его. Нет, «арабской работой» тут и не пахло.

* * *

Из-за разницы во времени Френсис Кеннеди узнал о покушении на папу в шесть утра первого дня Пасхи. Ему сообщил об этом пресс-секретарь Мэттью Глейдис. Он также сказал, что Юджин Дэззи и Кристиан Кли поставлены в известность и уже едут в Белый дом.

Когда Френсис Кеннеди спустился в Овальный кабинет, Дэззи и Кристиан уже ждали его. Оба с мрачными лицами. С улицы доносился вой сирен. Кеннеди сел за стол. Посмотрел на Юджина Дэззи, предлагая руководителю аппарата президента ввести своего босса в курс дела.

– Френсис, папа мертв. Его убили во время пасхальной службы.

Известие потрясло Кеннеди:

– Кто это сделал? И почему?

– Мы не знаем. Но это не самая плохая новость.

Кеннеди попытался прочесть мысли сидевших перед ним людей, в его сердце закрался страх.

– Что может быть хуже?

– Самолет, на котором летела Тереза, захвачен террористами и теперь летит в Шерхабен. Френсис Кеннеди едва не лишился чувств. Издалека до него долетел голос Дэззи:

– Угонщики держат ситуацию под контролем, на борту все живы и здоровы. Как только самолет приземлится, мы начнем переговоры, напомним обо всех долгах, так что все обойдется. Не думаю, что они знают о присутствии Терезы.

– Артур Уикс и Отто Грей уже едут в Белый дом. Так же, как директор ЦРУ, министр обороны и вице-президент. В течение получаса все соберутся в зале заседаний кабинета министров.

– Хорошо. – Кеннеди заставил себя сохранять спокойствие. – Есть какая-нибудь связь?

Он заметил, что Кристиана вопрос не удивил, а вот Дэззи не понял, о чем речь.

– Между папой и захватом самолета, – пояснил Кеннеди. Оба промолчали, поэтому Кеннеди продолжил: – Подождите меня в зале заседаний. Мне надо побыть одному. – И они ушли.

Кеннеди знал, что может не волноваться из-за покушений, но прекрасно понимал, что полностью обезопасить дочь ему не удастся. Она всячески подчеркивала свою независимость, не позволяла ему накладывать ограничения на ее жизнь. Вроде бы серьезной опасности и не было. Он не мог вспомнить, когда объектом нападения становилась дочь главы государства. И террористы, и революционные организации понимали, что это плохая реклама.

После инаугурации отца Тереза пошла своим путем, подписывалась под воззваниями радикальных и феминистских политических организаций, заявляя, что имеет полное право на жизненную позицию, не совпадающую со взглядами ее отца. Он же никогда не пытался убедить ее вести себя иначе и являть публике лживый, но зато политкорректный образ. С его стороны она видела только любовь. И когда бывала в Белом доме, они отлично проводили время, хотя и спорили о политике и использовании силы в качестве самого веского аргумента.

Консервативная республиканская пресса и не признающие приличий таблоиды публиковали ее фотографии, надеясь таким образом повредить популярности президента. Тереза то маршировала с феминистками, то выступала за запрещение атомного оружия и даже отстаивала права палестинцев на создание собственного государства. Фотоснимки сопровождались ироничными комментариями.

Однако американская общественность на все выходки Терезы Кеннеди реагировала с улыбкой, даже на тот факт, что она жила в Риме с итальянцем-радикалом. Их фотографировали на улице целующимися и держащимися за руки, на балконе квартиры, в которой они поселились. Светловолосая Тереза с белоснежной кожей и синими глазами, фамильным знаком Кеннеди, прекрасно смотрелась рядом со смуглым красавцем. Так что яд, которым сочились репортерские строчки, не действовал на читателей.

А когда появился фотоснимок, на котором Тереза защищала своего возлюбленного от дубинок итальянской полиции, у многих американцев проснулись воспоминания о страшных днях Далласа.

Любили Терезу и за остроумие, за умение не лезть за словом в карман. Во время избирательной кампании кто-то из репортеров прямо спросил ее: «Так вы согласны с политическими взглядами вашего отца?» Ответ «да» означал бы, что она лицемерка или ребенок, которым манипулирует жаждущий власти отец. После «нет» газеты бы радостно написали, что она не поддерживает отца в его стремлении войти в Белый дом. Но она показала, что ей не чужд политический гений Кеннеди. «Конечно, он же мой отец, – ответила она, прижимаясь к отцу. – И я знаю, что он очень хороший человек. А если мне не нравится то, что он делает, я кричу на него так же, как и вы, журналисты». Но экране телевизора этот эпизод смотрелся великолепно. Потом Френсис Кеннеди не раз говорил ей об этом. А теперь над ней нависла смертельная опасность.

Если бы она была к нему поближе, если бы смирилась с ролью любящей дочери и осталась в Белом доме, если бы придерживалась менее радикальных взглядов, ничего бы этого не

случилось. Ну почему он выбрала в возлюбленные студента-радикала, который, возможно, и сообщил угонщикам самолета о том, каким рейсом она отправляется в Америку. Тут он чуть не рассмеялся. Понятное дело, всем родителям хочется, чтобы дети доставляли им как можно меньше хлопот. Он ее любит, и он ее спасет. По крайней мере, здесь есть, с кем бороться. Не то что в прошлый раз, когда долго и мучительно умирала его жена.

В Овальный кабинет заглянул Юджин Дэззи, чтобы сказать, что все собрались и можно начинать совещание.

* * *

Когда Кеннеди вошел в зал заседаний, все встали. Он взмахнул рукой, предлагая им сесть, но они окружили его, выражая сочувствие. Кеннеди прошел во главу овального стола, опустился в кресло, спиной к камину. Две люстры заливали светом темно-коричневое дерево стола, кожаную обивку кресел. С каждой стороны было их стояло по шесть, остальные выстроились вдоль стен. Между двух открытых окон, выходящих в Розовый сад, стояли два флага, звездно-полосатый, государственный флаг Соединенных Штатов, и темно-синий с белыми звездами, штандарт президента.

Помощники Кеннеди сели рядом с ним, положив на стол папки с документами. Далее расположились министры, директор ЦРУ и председатель Объединенного комитета начальников штабов,⁶ армейский генерал в парадной форме, резко выделяющейся на фоне строгих деловых костюмов остальных. Вице-президент Дюпрей, единственная женщина, в модном темно-синем костюме и белой шелковой блузке, села у дальнего конца стола. Розовый сад наполнял зал заседаний ароматом цветов.

Слово взял Теодор Тэппи, директор ЦРУ. В свое время он возглавлял ФБР, не отличался политическим честолубием. А потому под его началом ЦРУ не проводило рискованных, зачастую противозаконных операций, нацеленных на завоевание мирового господства. Помощники Кеннеди, в особенности Кристиан Кли, полностью ему доверяли.

– За те несколько часов, что были в нашем распоряжении, мы получили достаточно важную информацию. Убийство папы совершено итальянской командой. Самолет Терезы захватила интернациональная группа, возглавляемая арабом, известным как Джабрил. Оба инцидента произошли в один день и связаны с одним городом, но это, возможно, совпадение. Тут мы, естественно, можем и ошибаться.

– На данный момент убийство папы – не главный вопрос, – вставил Кеннеди. – Нас больше всего должен занимать угон самолета. Они выставили какие-нибудь требования?

– Нет, – без запинки ответил Тэппи. – И это более чем странно.

– Подготовьтесь к ведению переговоров и докладывайте мне о каждом шаге. – Кеннеди повернулся к государственному секретарю: – Какие страны могут нам помочь?

– Все, – ответил секретарь. – Другие арабские страны в шоке. Для них неприемлема сама мысль о том, что в заложники захвачена ваша дочь. Это оскорбляет их честь, и они думают о своем праве кровной мести. У Франции хорошие отношения с султаном. Они предложили послать наблюдателей. Великобритания и Израиль помочь не могут – в султанате их не жалуют. Но мы ничего не можем предпринять, пока угонщики не выставили своих требований.

Кеннеди посмотрел на Кристиана:

– Крис, как ты думаешь, почему они не выставляют никаких требований?

– Возможно, еще не пришло время. А может, они хотят разыграть другую карту.

⁶ Объединенный комитет начальников штабов – консультативный орган президента, Совета национальной безопасности и министра обороны по военным вопросам. Создан в 1942 г., входит в структуру министерства обороны. Закон о реорганизации Пентагона 1986 г. усилил роль председателя, сделав его главным военным советником президента.

На какое-то время в зале заседаний воцарилась тишина. Потом Кеннеди подождал, пока выскажутся все, но пропустил мимо ушей их рассуждения о введении санкций, морской блокаде, замораживании банковских активов Шерхабена. Естественно, речь шла и о том, что угонщики постараются максимально засветиться на экранах телевидения и на газетных полосах.

Наконец Кеннеди повернулся к Оддбладу Грею:

– Наметь расписание моих встреч с председателями палат Конгресса и соответствующих комитетов. – Он посмотрел на Артура Уикса. – Пусть твои сотрудники рассмотрят возможные варианты развития событий. – Кеннеди встал, обратился ко всем: – Должен вам сказать, что я не верю в совпадения. Я не верю, что главу Римской католической церкви могут случайно убить в один день с похищением дочери президента Соединенных Штатов. С учетом того, что самолет вылетел из того города, где совершено убийство.

* * *

Адам Гризз и Генри Тиббот работали и в первый день Пасхи. Но не над научными проектами. Они избавлялись от следов преступления. В своей квартире собрали и выбросили все старые газеты, из которых вырезали буквы и слова, использованные в письме. Пропылесосили пол и ковры, чтобы не осталось даже крошечных кусочков бумаги. Выкинули даже ножницы и клей. Помыли стены. Потом отправились в университетскую лабораторию, чтобы избавиться от инструментов и оборудования, которые использовали при создании бомбы. Им и в голову не пришло включить телевизор. Так что об убийстве папы и похищении дочери президента они узнали ближе к вечеру. Переглянулись, улыбнулись друг другу.

– Генри, я думаю, наш час настал, – выразил общее мнение Адам Гризз.

* * *

Первый день Пасхи выдался долгим. Белый дом заполнили сотрудники временных комиссий, срочно созданных ЦРУ, армией, флотом, государственным департаментом. Всех озадачивало отсутствие требований террористов по освобождению заложников.

На соседних с Белым домом улицах образовались пробки. В Вашингтон слетались репортеры газет и телевидения. Многим государственным служащим, несмотря на праздник, пришлось вернуться на рабочие места. Кристиан Кли приказал Секретной службе и ФБР дополнительно выделить на охрану Белого дома тысячу агентов.

Телефоны звонили непрерывно. Люди металась между Белым домом и зданием Исполнительного управления президента.⁷ Юджин Дэззи пытался держать процесс под контролем.

До вечера Кеннеди получал отчеты, участвовал в совещаниях, на которых рассматривались различные варианты развития событий, разговаривал по телефону с главами ведущих государств мира.

Поздним вечером он пообедал со своими ближайшими помощниками. Они просмотрели выжимки из информационных выпусков новостей, но не нашли в них ничего интересного.

Наконец Кеннеди решил, что пойдет спать. Он не сомневался, что его аппарат постоянно будет в курсе событий и при необходимости его обязательно разбудят. Агент Секретной службы первым поднялся по маленькой лестнице, ведущей на четвертый этаж Белого дома. Второй агент следовал за президентом. Оба знали, что в Белом доме президент лифтами не пользуется.

⁷ Исполнительное управление президента – руководящие подразделения исполнительной власти, подчиненные непосредственно президенту США и оказывающие ему помощь в исполнении им своих обязанностей. Создано в 1939 г. по указу президента Рузвельта.

Лестница вывела их в холл, где за стойкой сидели еще два агента. Президент миновал стойку и оказался в своих апартаментах, среди личных слуг: горничной, дворецкого и камердинера, который поддерживал порядок в обширном президентском гардеробе.

Кеннеди не знал, что и личные слуги были агентами Секретной службы. Придумал это Кристиан Кли. Чтобы отгородить президента от любой напасти, Кристиан позаботился о том, чтобы его окружали не просто проверенные люди, но и те, кто мог отдать за него жизнь.

Напутствуя сотрудников, мужчин и женщин, этого специального подразделения Секретной службы, Кристиан сказал: «Вы должны стать лучшими слугами в мире, так овладеть всеми секретами своей профессии, чтобы вас взяли на работу в Букингемский дворец. И вы знаете, что ваша первейшая обязанность – принять на себя все пули, выпущенные в президента. Но при этом вы должны обеспечить ему полнейший комфорт».

Командовал этим специальным подразделением камердинер, который дежурил в тот вечер. Согласно легенде, чернокожий Джефферсон раньше служил стюардом на военном корабле в звании главного старшины. На самом же деле он был одним из лучших агентов Секретной службы, блестящим мастером рукопашного боя. В свое время ему прочили прекрасное спортивное будущее. Во время учебы в колледже он участвовал в «Игре всех звезд».⁸ И ай-кью⁹ у него был 160. Его отличало и тонкое чувство юмора, так что он получал удовольствие, играя роль образцового слуги.

Вот и теперь Джефферсон помог Кеннеди снять пиджак и аккуратно повесил его на плечики. Протянул Кеннеди шелковый халат, зная, что тот любит надевать его сам. Когда Кеннеди направился к маленькому бару в углу гостиной, Джефферсон оказался там раньше, налил в стакан водки, добавил тоник и лед.

– Мистер президент, ваша ванна готова.

Кеннеди с улыбкой посмотрел на него, подумав, что такие идеальные слуги, как Джефферсон, бывают только в сказках.

– Пожалуйста, отключи все телефоны, – попросил он. – Если я понадобится, разбуди меня.

В ванной он отмокал с полчаса. Теплая вода так хорошо снимала напряжение. От нее шел приятный запах, на широких краях ванны лежали различные сорта мыла, мази, журналы. Стояла даже пластмассовая коробочка со служебными записками.

Встав из ванны, Кеннеди надел белый махровый халат с вышитым на спине красно-белосиними буквами словом «БОСС». Халат подарил ему Джефферсон, решив, что такой подарок вписывается в образ идеального слуги. Френсис Кеннеди плотно завернулся в халат, чтобы пушистый материал собрал воду с его белого, практически безволосого тела. Ему не нравились ни белизна кожи, ни отсутствие волос.

В спальне Джефферсон уже затянул шторы и включил лампу для чтения. Он также снял с кровати покрывало. У кровати стоял столик на колесиках с мраморным верхом, рядом с ним – удобное кресло. Столик покрывала вышитая розовая скатерть, на ней стоял темно-синий кувшин с горячим шоколадом. Джефферсон уже наполнил шоколадом лазурную чашку. Компанию кувшину и чашке составляло блюдо с шестью сортами сухого печенья, белый горшочек со светлым, несоленым маслом и четыре разноцветных горшочка с разными джемами: зеленый – с яблочным, синий в белый горошек – с черничным, желтый – с апельсиновым и красный – с клубничным.

– Смотрится здорово, – прокомментировал Кеннеди, и Джефферсон вышел из спальни. По каким-то причинам ему нравились маленькие знаки внимания. Он сел в кресло, выпил

⁸ «Игра всех звезд» – ежегодная игра между сборными командами, составленными из лучших игроков национального чемпионата. Проводится в футболе, бейсболе и т. д.

⁹ Ай-кью (AQ) – коэффициент умственного развития. 160 – очень высокий коэффициент, которым могут похвастаться далеко не все топ-менеджеры крупнейших корпораций.

шоколад, попытался доесть печенье, но не смог. Откатил столик и лег в кровать. Хотел почистить документы, но понял, что слишком устал. Выключил свет, закрыл глаза, надеясь уснуть.

Но сквозь закрытые окна и задернутые шторы до него долетал шум с улиц, где журналисты всего мира несли круглосуточную вахту. Рядом с Белым домом припарковались несколько десятков автобусов различных телекомпаний, набитых коммуникационным оборудованием и репортерами. И на охрану Белого дома прислали дополнительный батальон морской пехоты.

Предчувствие беды охватило Френсиса Кеннеди. Такое случалось с ним только раз в жизни. Он думал о своей дочери, Терезе. Она спала в самолете, окруженная убийцами. И дело тут не в невезении. Судьба не раз подавала ему знаки. Двух его дядьев убили, когда он был маленьким мальчиком. А три года тому назад его жена Кэтрин умерла от рака.

* * *

Первое поражение в жизни Френсис Кеннеди потерпел за шесть месяцев до того, как Демократическая партия объявила его своим официальным кандидатом в президенты Соединенных Штатов. Случилось это, когда Кэтрин обнаружила уплотнение в груди. После того как ей поставили диагноз: рак молочной железы, Кеннеди предложил уйти из политики, но Кэтрин ему запретила, заявив, что она хочет жить в Белом доме. У нее все будет хорошо, твердо сказала она ему, и он поверил. Поначалу их тревожила потеря груди, и Кеннеди консультировался со многими специалистами, которые удаляли только опухоль. Но один из лучших врачей Соединенных Штатов, изучив результаты обследований, порекомендовал убрать грудь. Его слова Френсис Кеннеди запомнил на всю жизнь: «Это очень агрессивная разновидность рака».

В июле, когда проходил съезд партии, она как раз закончила курс химиотерапии, и врачи отправили ее домой. Ее самочувствие заметно улучшилось. Она начала набирать вес, скелет потихоньку обрастал мясом.

Она много отдыхала, не могла выходить из дома, но всегда поднималась с кровати, чтобы встретить его, когда он возвращался домой. Тереза продолжила учебу, Френсис – предвыборную кампанию. Но каждые несколько дней он прилетал домой, чтобы побыть с женой. С каждым разом она выглядела все лучше, у нее прибавлялось сил, никогда раньше они так сильно не любили друг друга. Он привозил ей подарки, она вязала ему шарфы и перчатки.

Однажды Кэтрин отпустила сиделок и слуг, чтобы провести вечер наедине с мужем, насладиться простым ужином, который она приготовила. Френсис даже подумал, что она полностью выздоровела. То был счастливейший момент его жизни. Наутро они прогулялись по зеленым холмам, он нежно обнимал жену за талию. Ее всегда волновало, как она выглядит, хорошо ли сидят на ней новые платья, купальники, не появился ли у нее второй подбородок. Но сейчас она старалась набрать вес. По возвращении он приготовил завтрак, и она поела с отменным аппетитом.

Ее ремиссия словно добавила Кеннеди энергии. Избирательная кампания шла по нарастающей. Он сметал с пути все препятствия, чувствуя, что теперь его уже не остановить. Он не только находил оптимальные решения, но и с блеском претворял их в жизнь.

Но при очередном возвращении домой его ждал удар. Кэтрин внезапно стало плохо, и ее увезли в больницу. Все его усилия пошли прахом.

* * *

Кэтрин он полагал идеальной женой. Дома она умела создать удивительную атмосферу уюта, и он ни разу не слышал, чтобы она сказала о ком-либо недоброе слово. Она прощала другим ошибки, ни на кого не держала зла, со всеми умела находить общий язык.

Разумеется, у нее были слабости: она обожала красивые платья и не была чужда тщеславия. Но относилась к этому с иронией. Кэтрин отличало остроумие, но она никогда никого не оскорбляла и не знала, что такое депрессия. Она получила хорошее образование и до замужества работала в газете, но этим ее достоинства не ограничивались. Для любителя она прекрасно играла на рояле и вполне сносно рисовала. Она уделяла много внимания воспитанию дочери, и они любили друг друга. Она понимала мужа и не испытывала ревности к его достижениям. Короче, она относилась к тем редким представителям человечества, которые полностью довольны своей жизнью.

А потом пришел день, когда в коридоре больницы врач жестко и откровенно сказал Френсису Кеннеди, что его жена обречена. Врач все объяснил: в костях Кэтрин Кеннеди появились пустоты, которые в самое ближайшее время приведут к множественным переломам. И в мозгу найдены опухоли, пока еще очень маленькие, но с неизбежной тенденцией к росту. А на все это накладывалась общая интоксикация организма.

Френсис Кеннеди не смог поделиться этой страшной вестью с женой. Прежде всего потому, что не мог заставить себя поверить в это. Он задействовал все ресурсы, обратился ко всем самым влиятельным друзьям, даже проконсультировался с Оракулом. Надежду сулило только одно. Во многих медицинских центрах США велась проверка новых и опасных лекарств, испытывались новые методы лечения. Конечно же, добровольцами, или подопытными кроликами, выступали обреченные на смерть люди. Но их было так много, что в каждой из программ участвовало по сто человек.

И Френсис совершил поступок, который в иной ситуации сам же оценил бы как аморальный. Он употребил свое влияние на то, чтобы добиться участия жены в этих научно-исследовательских программах, в надежде, что новые средства борьбы с раком сохранят ей жизнь. Он своего добился. И вновь обрел надежду. Некоторые люди выходили из этих центров на своих ногах. Почему не его жена? Почему он не мог спасти ее? Всю свою жизнь он шел от успеха к успеху, он чувствовал, что победит и на этот раз.

И борьба началась. Поначалу его жена отправилась в Хьюстон. Используемый там метод лечения лишил ее последних сил, и она уже не могла встать с кровати. Но заставила его продолжить предвыборную кампанию. Он улетал из Хьюстона в Лос-Анджелес, произносил речи, пожимал руки, уверенный в себе, остроумный, радостный. А вечером возвращался в Хьюстон, чтобы провести несколько часов у постели жены. Потом летел в очередной город, и все повторялось вновь.

В Хьюстоне Кэтрин помочь не смогли. В Бостоне вырезали опухоль из мозга. Операция прошла удачно, хотя опухоль оказалась злокачественной. Как и опухоли, обнаруженные в легких. И полости в костях, отчетливо видные на рентгеновских снимках, увеличивались. В другой бостонской больнице новые лекарства и методы лечения сотворили чудо. Новая опухоль в мозгу перестала расти, опухоли в оставшейся груди уменьшались. Каждый вечер Френсис Кеннеди прилетал к жене, чтобы посидеть у ее кровати, почитать ей, подбодрить. Иногда Тереза прилетала из своей школы в Лос-Анджелесе. Отец и дочь обедали вместе, а потом шли в больницу и сидели в темноте у кровати Кэтрин. Тереза рассказывала забавные истории из школьной жизни, Френсис – веселые случаи, возникающие по ходу предвыборной кампании. Кэтрин даже смеялась.

Разумеется, Кеннеди не раз и не два предлагал сойти с дистанции, чтобы быть с женой. Разумеется, Тереза хотела бросить школу, чтобы постоянно быть с матерью. Кэтрин не хотела об этом и слышать. Болезнь может затянуться, говорила она. Они не должны ничего менять в своей жизни. Только это поддерживало в ней огонек надежды, только это давало силы выдерживать все эти мучения. В этом она была тверда, как скала. Угрожала уехать из больницы и вернуться домой, если они попытаются что-то поменять в естественном ходе событий.

Френсис, раз за разом возвращаясь к ее постели, не мог не восхищаться выдержкой Кэтрин. Она не просто яростно боролась за свою жизнь, она делала все возможное, чтобы ее болезнь не отразилась на будущем самых дорогих ей людей.

И, наконец, кошмар вроде бы окончился. Ей стало лучше. Френсис смог увезти ее домой. Она прошла курс лечения в семи медицинских центрах, но лекарства и новые методы лечения все же сработали. Френсис торжествовал, чувствуя, что одержал очередную победу. Уже в Лос-Анджелесе, перед тем как отправиться в очередную предвыборную поездку, Френсис с женой и дочерью поехали пообедать в ресторан. Стоял теплый вечер, как обычно, калифорнийский воздух благоухал ароматами цветов. Но обед не задался. Из-за неловкости официанта крохотная капелька соуса упала на рукав нового платья Кэтрин. Она разрыдалась, а после ухода официанта, всхлипывая, спросила: «Ну почему он так поступил со мной?» Раньше такого за ней не замечалась, она просто обратила бы этот досадный инцидент в шутку, и к Френсису Кеннеди вновь вернулось дурное предчувствие. Она выдержала столько операций, стойко переносила боль от растущих опухолей, не жалуясь и не плача. А вот капелька соуса на платье, казалось, разбила ей сердце. Она никак не могла успокоиться.

На следующий день Кеннеди предстояло лететь в Нью-Йорк. Утром Кэтрин приготовила ему завтрак. Она сияла, давно уже Френсис не видел ее такой красивой. Опросы общественного мнения подтверждали лидерство Кеннеди, никто не сомневался, что он станет следующим президентом Соединенных Штатов. Кэтрин читала результаты опросов вслух. «О, Френсис, мы будем жить в Белом доме, и у меня будут слуги! – воскликнула она. – А Тереза сможет приводить друзей, которые будут оставаться на уик-энды и праздники. Подумай, как мы будем счастливы. Я больше не заболею. Обещаю. А тебя ждут великие дела, Френсис. И ты их осуществишь, я знаю. – Она обняла его и заплакала от счастья и любви. – Я тебе помогу. Мы будем вместе ходить по прекрасным залам Белого дома, и я помогу тебе в осуществлении твоих планов. Ты станешь величайшим из президентов. Со мной теперь все в порядке, дорогой, мне еще столько предстоит сделать. Мы будем счастливы. Все у нас будет хорошо. Мы же такие везунчики. Мы – везунчики, так?»

* * *

Она умерла осенью, октябрьский туман стал ее саваном. Френсис Кеннеди стоял среди зеленых холмов и плакал. Серебристые деревья обрамляли горизонт, он закрыл глаза руками, чтобы отгородиться от окружающего мира. Жуткая тоска навалилась на него.

Впервые в жизни могучий разум подвел его. Богатство, политическая власть, мировая известность ничем не смогли ему помочь. Он не уберег жену от смерти. А потому все, совершенное им, пошло прахом.

Он предпринял отчаянную попытку вынырнуть из пучины отчаяния. Напряг все силы, чтобы совладать с горечью утраты. До выборов оставался месяц, и он сделал последний рывок.

В Белый дом он вошел без жены, только с дочерью. Тереза пыталась изобразить счастье, но проплакала всю первую ночь. Потому что с ними не было ее матери.

И теперь, через три года после смерти жены, Френсис Кеннеди, президент Соединенных Штатов, один из самых могущественных людей на Земле, так боялся за жизнь дочери, что не мог заставить себя заснуть.

Бодрствуя, он пытался обуздать ужас, который стеной встал между ним и сном. Он говорил себе, что угонщики не посмеют причинить вред Терезе, что его дочь вернется домой целой и невредимой. На этот раз он не был таким беспомощным, потому что противостояли ему отнюдь не всесильные раковые клетки. Нет. Он мог спасти жизнь дочери. Он мог ударить по террористам всей мощью государства, которое возглавлял. Он мог нанести удар любой силы и,

слава богу, не тяготиться угрызениями политической совести. Если он кого и любил, так это дочь. И твердо знал, что ради ее спасения хороши все средства, был бы результат.

Но озабоченность, а потом и страх, от которого зашлось сердце, заставили его зажечь свет, подняться с кровати, сесть в кресло. Он подкатил мраморный столик, выпил холодного шоколада.

Он не сомневался, что захват самолета обусловлен присутствием на борту его дочери. Похищение стало возможным из-за уязвимости государственных структур. Современному обществу в очередной раз продемонстрировали его неспособность бороться с маленькой группой решительных, безжалостных, готовых на все террористов. И кто, как не президент Соединенных Штатов, являл собой символ этого общества. То есть своим стремлением стать президентом он, Френсис Кеннеди, навлек беду на голову дочери.

Вновь он услышал слова врача: «Это очень агрессивная разновидность рака», но только теперь осознал их смысл. Все вокруг гораздо опаснее, чем представляется на первый взгляд. И эта ночь нужна ему для того, чтобы наметить план действий, подготовиться к защите. У него есть возможность развернуть удачу к себе лицом. И сну никогда не справиться с мозгом, ищущим ответы на главные для него вопросы.

Чего он хотел? Утвердить успех клана Кеннеди? Но он всего лишь дальний родственник. Он помнил Джозефа Кеннеди, легендарного ловеласа, владельца огромного состояния, обладателя острого ума, который прекрасно разбирался в настоящем, но не сумел заглянуть в будущее. Он помнил о старине Джо только хорошее, хотя знал, что, будь он сейчас жив, они находились бы по разные стороны баррикады. Старина Джо дарил Френсису золотые монеты на день рождения и организовал для него траст-фонд. Но каким же он был эгоистом, трахал голливудских звезд, продвигал сыновей все ближе и ближе к политической вершине. И как трагично все закончилось. У него была счастливая жизнь, до последней главы, в которой нашли смерть оба его сына. Старик потерпел поражение, и инсульт оборвал его жизнь.

Сделать сына президентом... чего еще может пожелать любой отец? Неужели старик пожертвовал сыновьями зазря? Неужели боги наказали его не столько за гордость, сколько за удовольствие, с которым он манипулировал людьми? Или все это дело случая? Его сыновья Джек и Роберт, такие богатые, красивые, одаренные, убиты подонками, которые попали в историю лишь благодаря своим жертвам. Нет, не было в этом никакого смысла, все это случайности. Но даже череда вроде бы маленьких событий может предупредить о многом, а принятые меры предосторожности могут предотвратить трагедию.

И однако... откуда это ощущение обреченности? В чем связь между убийством папы и похищением его дочери? Почему угонщики не выставляют требований? Какие его еще ждут сюрпризы? Что еще приготовили ему эти люди, о которых он никогда не слышал?

Он не мог приоткрыть завесу будущего, а потому оно ужасало его. Он вновь почувствовал распирающую его бессильную ярость. Такое случилось в тот день, когда он услышал первое сообщение об убийстве дяди Джека и горестный вопль матери.

Но тут, слава господу, память отключилась, и Френсис Кеннеди заснул, сидя в кресле.

Глава 3

Среди ближайших советников президента наибольшим влиянием на Кеннеди пользовался генеральный прокурор. Происходил он из богатой семьи, уходившей корнями в первые годы республики. Его траст-фонды стоили более ста миллионов долларов, спасибо советам Оракула, Оливера Олифанта. Он никогда ни в чем не нуждался, а в какой-то момент даже почувствовал, что уже ничего не хочет. Блестящий ум и распирающая его энергия не позволяли Кристоферу превратиться в еще одного богатого бездельника, который вкладывает деньги в киноиндустрию, волоочится за юбками, балуется наркотиками или спиртным, увлекается какой-нибудь экзотической религией. Два человека, Оракул и Френсис Завьер Кеннеди, в конце концов заманили его в политику.

Кристиан познакомился с Кеннеди, поступив в Гарвард. Последний был самым молодым профессором юриспруденции, на него все смотрели как на вундеркинда. Кристиан до сих пор помнил вступительную лекцию, которую Кеннеди начал словами:

– Вы все слышали о величии закона. Закон – это та сила, с помощью которой государство контролирует действующие политические организации, обеспечивая тем самым само существование цивилизации. Это правда. Отказавшись от главенства закона, мы погибнем. Но надо помнить и о том, что в законе полно дерьма.

И он широко улыбнулся студентам.

– Я смогу обойти любой закон, который вы только напишете. Закон можно приспособить под нужды государства, попирающего права личности. Богатые могут избежать неминуемого наказания, а при удаче это удастся и бедным. Некоторые юристы обращаются с законом, как сутенер со своими проститутками. Судьи продают закон, присяжные его предают. Все это имеет место быть. Но помните, у нас нет ничего лучше закона. Нет другого способа заключить социальный договор между человеческими существами.

Закончив юридическую школу Гарварда, Кристиан не знал, чем ему заняться. Ничего его не интересовало. Он уже стоил миллионы, так что приумножать свое состояние не хотелось. Не влекли его адвокатская практика или работа в правоохранительных органах. Но ему не был чужд романтизм молодости. И он нравился женщинам.

В результате доктор Джекил начал медленно, но верно превращаться в мистера Хайда, особенно в те моменты, когда Кристиан злился. Однако вежливость и прекрасные манеры – сказывалось воспитание в хорошей семье – во многом маскировали происходящее с Кристианом. Его по-прежнему уважали, прежде всего за блестящие способности. Он был железным кулаком, облаченным в бархатную перчатку Кеннеди, хотя он и сумел скрыть сие от широкой общественности. Его тянуло к женщинам, но короткие романы не привели к большой любви. Ему отчаянно хотелось найти точку приложения сил, дело, которому он мог бы посвятить всю жизнь. Он увлекся искусством, но в нем не было творческой жилки, он не мог рисовать, сочинять музыку, писать. Богатство само по себе обеспечивало ему высокое положение в обществе. Он не мог полагать себя несчастным, скорее, пребывал в недоумении.

Разумеется, он все-таки попробовал наркотики. Они в конце концов стали составной частью американской культуры, играя ту же роль, как когда-то в Китайской империи. И впервые отметил одну очень важную особенность своего характера: ему претила потеря контроля над собой, которую вызывали наркотики. Он предпочитал терпеть душевные страдания, полностью владея своим разумом и телом. А вот потеря контроля ввергала его в отчаяние. И наркотики не приносили ему наслаждения, которое испытывали другие люди. В возрасте двадцати двух лет мир лежал у его ног, а он не находил для себя достойного занятия. Отсутствовало даже свойственное многим молодым желание улучшить общество, в котором ему довелось жить.

Он пришел за советом к своему крестному отцу, Оракулу, тогда еще «молодому» семидесятипятилетнему мужчине, который и тогда обладал неограниченным влиянием и как минимум раз в неделю встречался с президентом Соединенных Штатов. Он не сомневался, что Оракул знает секрет жизни.

– Найди самое бесполезное, на твой взгляд, дело и отдай ему несколько лет, – предложил Оракул. – Дело, о котором ты никогда не думал, заниматься которым у тебя не было ни малейшего желания. Но которое может укрепить тебя и физически, и морально. Узнай ту сторону мира, которая, по твоему разумению, никогда не станет частью твоей жизни. Не транжирь время попусту. Учись. Именно так я и пришел в политику. Этим я удивил своих друзей, потому что никогда не питал интереса к деньгам. Делай то, что ты терпеть не можешь. Через три или четыре года откроются новые возможности, и, возможно, ты найдешь их более привлекательными.

На следующий день Кристиан отправился в Вест-Пойнт и последующие четыре года учился, готовясь стать офицером армии Соединенных Штатов. Решение Кристиана сначала поразило Оракула, потом порадовало. «То, что надо, – заявил он. – Кадровым военным тебе не стать. Зато, возможно, ты поймешь, что самоограничение где-то и полезно».

После четырех лет в Вест-Пойнте Кристиан еще четыре года прослужил в бригаде специального назначения, где овладел всеми видами оружия и стал мастером рукопашного боя. Ощущение того, что тело способно выполнить любой его приказ, радовало Кристиана, укрепляло веру в собственное бессмертие.

В возрасте тридцати лет он демобилизовался из армии и перешел в операционный отдел ЦРУ. Четыре года работал в Европе, потом еще шесть на Ближнем Востоке. Быстро продвигался по службе, пока после взрыва бомбы не остался без ноги. Он принял и этот вызов, наловчился пользоваться протезом, даже не хромал при ходьбе. Но на работе в операционном отделе пришлось поставить крест. Он вернулся в Штаты, где его пригласили в престижную юридическую фирму.

Тогда же он впервые влюбился и женился на девушке, как ему казалось, его мечты. Интеллектуальной, остроумной, очень красивой и очень страстной. Следующие несколько лет он купался в счастье. Жена родила ему двоих детей, Оракул знакомил его с хитросплетениями политического лабиринта. И он уже решил, что нашел свое место в жизни. А потом все рухнуло. Его жена влюбилась в другого мужчину и подала на развод.

Случившееся как громом поразило Кристиана, а потом вызвало у него дикую ярость. Он же был счастлив, так почему жена не испытывала тех же чувств? Что с ней произошло? Он ее любил, выполнял все ее желания. Разумеется, работа отнимала много времени. Но денег у него хватало, и она ни в чем не нуждалась. В ярости он решил противостоять всем ее требованиям, боролся за опеку над детьми, не отдал ей дом, в котором ей очень хотелось жить, оспаривал все денежные выплаты, положенные разведенной женщине. Более всего его поразило ее желание жить в их доме со своим новым мужем. Да, это был роскошный особняк, но как же священные воспоминания о тех счастливых годах, которые они вместе провели в нем? И ведь он всегда хранил ей верность.

Кристиан пошел к Оракулу, поделился с ним своими горестями и болью. К его полному изумлению, Оракул сочувствия не выказал. «Ты хранил верность жене, поэтому тебе кажется, что и жене полагалось следовать твоему примеру? Как одно может проистекать из другого, если ты ее больше не интересуешь? Разумеется, в большинстве случаев мужья изменяют женам. Неверность – это мера предосторожности, которую включает в свой арсенал рассудительный мужчина, зная, что его жена может в одностороннем порядке лишиться его дома и детей. Ты соглашался на эти условия, когда женился. Так что теперь должен их выполнять. – Тут Оракул рассмеялся ему в лицо. – Твоя жена поступила правильно, подав на развод. Она видела тебя насквозь, что делает ей честь, потому что ты маскировался изо всех сил. Она знала, что в душе

ты не чувствуешь себя счастливым. Но поверь мне, это наилучший вариант. Теперь ты готов занять место, которое достойно тебя. Путь открыт, жена и дети могли только помешать тебе. Вершить великие дела можно только в одиночку. Уж я-то знаю, сам прошел этот путь. Жены опасны для тех, кто обладает настоящим честолюбием, дети могут помешать им идти к поставленной цели. Руководствуйся здравым смыслом, в полной мере используй свою юридическую подготовку. Дай ей все, что она хочет, на твоём состоянии это практически не отразится. Твои дети ещё совсем маленькие, они забудут тебя. Это же плюс. Теперь ты совершенно свободен. Отныне у твоей жены будет своя жизнь».

И Кристофер Кли последовал советам Оракула.

* * *

Вечером первого дня Пасхи генеральный прокурор покинул Белый дом, чтобы навестить Оливера Олифанта, посоветоваться и сообщить о том, что прием в честь его столетия перенесен президентом Кеннеди на более поздний срок.

Оракул жил в тщательно охраняемом поместье. Установленная по периметру система сигнализации только за последний год позволила предотвратить пять попыток ограбления. Он содержал большой штат слуг (все получали хорошее жалованье и могли рассчитывать на более чем приличную пенсию), включая бравое, камердинера, повара и горничных. Многие важные люди по-прежнему приезжали к Оракулу за советом, так что в особняке регулярно устраивались обеды, а иной раз гости оставались на ночь.

Кристиан с нетерпением ждал встречи с Оракулом. Ему нравилось общаться со стариком, выслушивать его страшные истории о банковских и корпоративных войнах, о стратегии мужчин, которым приходилось иметь дело с отцами, матерями, женами и любовницами. Он говорил о том, как защититься от государства, сила которого столь огромна, судебная власть слепа, законы далеки от справедливости, а свободные выборы насквозь продажны. Говорил не потому, что был циником, наоборот, трезво смотрел на жизнь. И при этом он настаивал на том, что человек может жить долго и счастливо, соблюдая нравственные законы, на которых должна строиться истинная цивилизация. Оракул просто зачаровывал.

Он принял Кристиана на втором этаже, где располагались небольшая спальня, огромная, выложенная голубым кафелем ванная с джакузи и душем, под которым стояла мраморная скамья, кабинет с внушительных размеров камином, библиотека и уютная гостиная с диваном и креслами, обтянутыми веселым ситчиком.

Дворецкий проводил Кристиана в гостиную. Оракул сидел в кресле-каталке, приводимой в движение электромотором. Перед ним на столике стояло все необходимое для чая.

Кристиан сел в кресло, заранее поставленное по другую сторону столика, налил себе чашку чая, взял маленький сэндвич. Как всегда, от одного только вида Оракула у Кристиана поднималось настроение. Приятно, знаете, осознавать, что можно дожить до ста лет и сохранять столько энергии, хотя кожа Оракула теперь больше напоминала чешую, а на обширной лысине темнели пигментные пятна. Зато руки торчали из рукавов элегантно сшитого костюма: несмотря на возраст, Оракул не утратил ни на йоту тщеславия. Правда, кожа на шее, схваченной шелковым галстуком, сильно обвисла, спина изогнулась, плечи подались вперед, сжав и без того неширокую грудь, а ноги совсем усохли. Однако черты лица еще не поддались надвигающейся смерти.

Кристиан налил чаю Оракулу, и несколько первых минут они пили чай, улыбаясь друг другу.

Оракул заговорил первым:

– Полагаю, ты приехал, чтобы сообщить об отмене приема по случаю моего дня рождения. Я смотрел телевизор с моими секретарями. И сказал им, что прием отложат. – Голос звучал глухо: сказывалось повреждение гортани.

– Да, – кивнул Кристиан. – Но только на месяц. Думаешь, ты сможешь продержаться? – Произнося эти слова, он улыбался.

– Безусловно, – ответил Оракул. – Это дерьмо на всех каналах. Прислушайся к моему совету, мой мальчик, прикупи акций телевещательных компаний. Они заработают кучу денег и на этой, и на всех последующих трагедиях. Они – крокодилы нашего общества. – Он помолчал, голос его чуть смягчился: – Как воспринимает случившееся наш любимый президент?

– Я все больше восхищаюсь этим человеком, – ответил Кристиан. – Держится он прекрасно. После смерти жены он стал гораздо сильнее.

– Когда происходит самое ужасное, что только может случиться с человеком, а человек держится, значит, он один из самых сильных людей в мире, – сухо заметил Оракул. – А это, возможно, не так уж и хорошо.

Он помолчал, чтобы отпить чая, бесцветные губы сомкнулись на белом ободке фарфоровой чашки.

– Если ты считаешь, что не нарушаешь клятву верности президенту и присягу, которую давал при вступлении в должность, почему бы тебе не рассказать, какие приняты меры?

Кристиан знал, что старик живет только ради этого. И умрет в тот самый момент, когда его выставят за дверь политической кухни.

– Френсис озабочен тем, что угонщики самолета до сих пор не предъявили никаких требований, – ответил Кристиан. – Прошло уже десять часов. Он полагает, что это дурной знак.

– Так оно и есть, – кивнул Оракул.

Они долго молчали. Глаза Оракула затуманились, утонули в темных мешках, набрякших под ними.

– Я волнуюсь из-за Френсиса, – на этот раз разорвал тишину Кристиан. – Боюсь, он не выдержит. Если что-то случится с ней...

– Тогда ситуация будет развиваться в опасном направлении. Видишь ли, я помню Френсиса Кеннеди маленьким мальчиком. Даже тогда меня удивляло, с какой легкостью он подчинял себе своих многочисленных кузенов. Он был прирожденным лидером, даже в детстве. Защищал маленьких, мирил больших. И иногда приносил больше вреда, чем те же хулиганы. Во имя добра он раздал немало тумачков.

Оракул помолчал, и Кристиан долил ему чаю, хотя чашка опустела лишь наполовину. Он знал, что старик ощущает вкус только очень горячего или очень холодного.

– Я сделаю все, что прикажет мне президент.

Глаза Оракула внезапно ожили.

– За последние несколько лет ты стал очень опасным человеком, Кристиан. Но не оригинальным. Во все исторические периоды находились люди, некоторые до сих пор считаются великими, которым приходилось выбирать между богом и страной. И некоторые очень религиозные правители ставили страну выше бога в полной уверенности, что за это они отправятся в ад. Но, Кристиан, сейчас наступило время, когда нам приходится решать, отдать ли жизнь за страну или обеспечить само существование человечества. Мы живем в атомный век. И перед каждым индивидуумом поставлен новый и небезынтересный вопрос. Позволю перефразировать его следующим образом. Если ты встаешь плечом к плечу со своим президентом, не станет ли твое решение угрозой всему человечеству? Это не столь просто, как отвергнуть бога.

– Для меня это не важно, – ответил Кристиан. – Я знаю, что Френсис Кеннеди лучше Конгресса, Сократовского клуба и террористов.

– Я частенько гадаю, с чего у тебя такая слепая верность Френсису Кеннеди. Уже нашлись сплетники, которые распространяются о ваших гомосексуальных отношениях. С твоей сто-

роны. Не его. Что довольно-таки странно, поскольку ты спишь с женщинами, а он – нет, во всяком случае, после смерти жены. Но почему люди, окружающие Кеннеди, относятся к нему с таким благоговением? В политике он себя не показал. Взять хотя бы все эти реформаторские законы, которые он пытался протолкнуть через Конгресс. Я полагал, что уж тебе-то хватит ума не лезть напролом, но, наверное, ты всегда оставался в меньшинстве. Однако твоя неординарная любовь к Кеннеди для меня – загадка.

– Он – человек, каким мне хотелось бы быть, – ответил Кристиан. – Как видишь, все просто.

– Тогда мы с тобой не были бы столь давними друзьями, – возразил Оракул. – Я вот не питал к Френсису Кеннеди никаких чувств.

– Он лучше всех остальных, – стоял на своем Кристиан. – Я знаю его больше двадцати лет, и он – единственный политик, который честен с людьми, не лжет им.

– Человека, которого ты описываешь, никогда не избрали бы президентом Соединенных Штатов. – Плечи Оракула словно расправились, руки легли на кнопки управления креслом, он откинулся на спинку. Над темным костюмом, белоснежной рубашкой, синим галстуком лицо со сверкающими глазами напоминало величественную маску, вырезанную из красного дерева. – Я не чувствую его обаяния, но в этом, наверное, нам не найти точек соприкосновения. А теперь я должен тебя предупредить. Каждый человек в жизни делает много ошибок. Такова уж особенность человеческого ума, и от этого никуда не денешься. Главное же состоит в том, чтобы не сделать ошибки, которая уничтожит тебя. Остерегайся своего друга Кеннеди, который слишком уж добродетельный, помни, что желание делать добро может обернуться злом. Будь осторожен.

– Характер не меняется, – уверенно заявил Кристиан.

Оракул всплеснул руками, словно крыльями:

– Очень даже меняется. Боль меняет характер. Печаль меняет характер. Любовь и деньги. А время разъедает характер. Позволь рассказать тебе одну историю. В пятьдесят лет у меня была двадцатилетняя любовница. У нее был брат, на десять лет старше. Как и со всеми моими молодыми женщинами, я также играл и роль наставника. Старался во всем им помогать. Ее брат, очень азартный и беззаботный, работал на Уолл-стрит и впоследствии крепко на этом подзалетел. Я никогда ее не ревновал, даже если она появлялась в обществе с молодыми людьми. Когда ей исполнился двадцать один год, ее брат устроил вечеринку и ради шутки пригласил мужчину-стриптизера, чтобы тот выступил перед ней и ее подругами. Секрета из этого никто не делал. Но я всегда осознавал, что внешность у меня никакая, что женщин я привлекаю отнюдь не физическими данными. Поэтому выходка эта меня оскорбила, хотя я понимаю, что не следовало мне так остро на нее реагировать. С женщиной этой мы остались друзьями, она вышла замуж, сделала неплохую карьеру. У меня появились новые молодые любовницы. А через десять лет ее брат поставил не на ту финансовую лошадь, на Уолл-стрит такое не редкость. Причем потерял не только свои деньги, но и те, которые доверили ему другие люди. Получил два года тюрьмы, естественно, потерял работу.

К тому времени мне исполнилось шестьдесят, я по-прежнему поддерживал дружеские отношения и с сестрой, и с братом. Они обратились ко мне за помощью, хотя и не представляли себе моих возможностей. Я мог бы его спасти, но не пошевелил и пальцем. Позволил ему упасть на самое дно. И лишь десять лет спустя понял, почему я ему не помог. Причина крылась в той глупой шутке, когда он показал сестре тело мужчины, который был много моложе меня. И речь шла не о сексуальной ревности. Он бросил вызов моей власти, власти, которой, как мне казалось, я обладал. Потом я часто думал об этом. То был один из поступков, которых я стыжусь. Ни в тридцать, ни в семьдесят я бы себе такого не позволил. А почему в шестьдесят? Характер меняется. Это триумф человека и его трагедия.

Кристиан переключился на коньяк. С исключительным вкусом, очень дорогой. Оракул признавал только все самое лучшее. Кристиану этот коньяк нравился, но сам он никогда его не покупал: рожденный в богатстве, он полагал, что не заслуживает такой роскоши.

– Я знаю тебя всю жизнь, чуть больше сорока пяти лет, и ты не меняешься. На следующей неделе тебе исполнится сто. А ты все тот же великий человек, каким я считал тебя все эти годы.

Оракул покачал головой:

– Ты знал меня только стариком, после шестидесяти лет. Это ничего не значит. Яд к тому времени иссяк, а с ним и источники, обеспечивающие восполнение его запаса. Добродетель в старости – не такая уж заслуга, об этом говорил еще Толстой. – Он вздохнул. – Так как насчет роскошного приема по случаю моего столетия? Твой друг Кеннеди никогда меня не любил, и я знаю, что именно ты проталкивал идею провести церемонию в Розовом саду Белого дома при большом стечении прессы. Так он воспользовался этим кризисом, чтобы указать мне на дверь?

– Нет, он очень тебя ценит, хочет поздравить, как ты того заслуживаешь. Оливер, ты – великий человек, и этого никто у тебя не отнимет. Продержись еще немного. Черт, да что значат несколько месяцев после целых ста лет? – Кристиан помолчал. – Но если ты хочешь, если тебе не нравится Френсис, мы можем забыть о торжествах, прессе, упоминании твоего имени во всех средствах массовой информации. Я готов устроить тебе вечеринку в узком кругу, для самых близких, в твоём же доме, и поставим на этом точку. – Он улыбнулся, показывая Оракулу, что это шутка. Иногда старик воспринимал его слова очень уж буквально.

– Благодарю, но вынужден отказаться, – сухо ответил Оракул. – Я хочу иметь цель в жизни. К примеру, торжественный прием в честь моего дня рождения, устроенный президентом Соединенных Штатов. Но позволь заметить, твой Кеннеди умен и расчетлив. Он знает, что мое имя еще не забыто. Поэтому в данном случае реклама сработает и на его имидж. Твой Френсис Завьер Кеннеди ловкостью рук не уступает своему дяде Джеку.

– Современников у тебя уже не осталось, но многие твои протеже, и мужчины, и женщины, занимают в этой стране самые важные посты и горят нетерпением воздать тебе должное. В том числе и президент. Не забывай, что в Белый дом и он попал не без твоей помощи. Он даже пригласил твоих приятелей из Сократовского клуба, хотя терпеть их не может. Это будет твой лучший день рождения.

– И последний, – уточнил Оракул. – Я цепляюсь за жизнь кончиками своих гребаных пальцев.

Кристиан рассмеялся. До девяноста лет бранные слова в лексиконе Оракула не значились, и теперь он произносил их, точно маленький ребенок, не понимающий, что говорит.

– С этим все ясно, – продолжил Оракул. – Теперь позволь рассказать тебе кое-что о великих людях, включая меня и Кеннеди. В конце концов они пожирают себя и свое окружение. Я, впрочем, не уверен, что твой Кеннеди – великий человек. Да, он стал президентом Соединенных Штатов. Но это не более чем фокус. Между прочим, ты знаешь, в шоу-бизнесе считается, что фокусники начисто лишены артистического таланта. – Оракул чуть склонил голову набок и теперь очень напоминал мудрую сову. – Я согласен с тем, что Кеннеди – не типичный политик. Он – идеалист, интеллигент, у него твердые моральные принципы, хотя я не уверен, что долгое сексуальное воздержание полезно для здоровья. Но все эти достоинства оборачиваются недостатками, когда речь идет о политическом величии. Человек без греха? Яхта без паруса!

– Ты не одобряешь его действий. Но какой курс избрал бы ты? – спросил Кристиан.

– Вопрос неуместный. Три года он лишь мотался из стороны в сторону, а это всегда приводит к беде. – Глаза Оракула вновь затуманились. – Надеюсь, нынешний кризис не затянется, и мой день рождения отметят в самое ближайшее время. Какая у меня была жизнь? Можно ли мне жаловаться на судьбу? Родился я в бедности, так что смог оценить богатство, нажитое с годами. С моей невзрачной внешностью я научился обольщать самых красивых женщин. На голову грех жаловаться, до сих пор работает как часы. Огромный запас энергии, до сих пор хва-

тает. Отменное здоровье, ни одного действительно серьезного заболевания. Отличная жизнь, и такая долгая! В этом, наверное, и беда, слишком долгая. Сейчас я просто не могу смотреть на свое отражение в зеркале, а ведь я никогда не отличался красотой. – Он помолчал, потом резко добавил: – Уйди с государственной службы. Не участвуй в том, что сейчас происходит.

– Не могу, – ответил Кристиан. – Слишком поздно. – Всмотрелся в испещренную пигментными бляшками лысину, восхищаясь умом Оракула, заглянул в туманное море глаз. Доживет ли он сам до таких лет? Превратится ли в такое вот высохшее насекомое?

А Оракул без труда читал его мысли. Какая же беспечная эта молодежь, думал он, прямо-таки маленькие дети. Он видел, что совет запоздал, что его крестник уже предал себя.

Кристиан допил бренди, поднялся. Поправил плед, прикрывавший ноги Оракула, звонком вызвал сиделок. Наклонившись, прошептал Оракулу на ухо:

– Скажи мне правду об Элен Дюпрей, она же была одной из твоих протеек до того, как вышла замуж. Я знаю, что именно ты ввел ее в мир политики. Ты ее трахал или к тому времени оставил эту забаву более молодым?

Оракул покачал головой:

– Эту забаву я оставил только после девяноста лет. И позволю сказать, что настоящее одиночество начинается именно тогда, когда тебя бросает твой член. Отвечаю на твой вопрос. Я ей не приглянулся, смотреть-то особо не на что. Признаюсь, меня такое отношение разочаровало, потому что мне больше всего нравились именно такие женщины, сочетающие красоту и ум. Я не любил некрасивых и умных, очень уж они походили на меня самого. Я не мог полюбить красивых и глупых. А вот когда ум накладывался на красоту. Я просто млел от восторга. Элен Дюпрей... я знал, что она далеко пойдет, потому что ее отличала и железная воля. Я, конечно, пытался, но безрезультатно. Одна из редких моих неудач. Но мы, разумеется, остались добрыми друзьями. Это тоже талант, отказать мужчине в его сексуальных домогательствах, но остаться близким другом. Редкий талант. Вот тогда я понял, что она – очень честолюбивая женщина.

Кристиан коснулся его руки, бугристой, как шрам:

– Буду звонить и заезжать каждый день. Чтобы держать тебя в курсе.

* * *

После ухода Кристиана Оракул и не думал об отдыхе. Предстояло передать полученную от него информацию членам Сократовского клуба, игравшим ведущие роли в американском обществе. Он не считал, что своими действиями предает Кристиана, которого очень любил. Любовь всегда стояла у него на втором плане.

Он не мог бездействовать, когда его страна попала в полосу грозового фронта. Он видел свою задачу в том, чтобы привести государственный корабль в безопасную гавань. А иначе ради чего жить человеку его возраста? И, по правде говоря, он терпеть не мог легенд, связанных с именем Кеннеди. Вот и представился случай уничтожить их на веки вечные.

Наконец Оракул позволил сиделкам уложить его в постель. Элен Дюпрей он вспоминал с нежностью, но не без разочарования. Когда Элен представили ему, ей было чуть больше двадцати. Естественно, она сразу же ему приглянулась, такая молодая, умная, красивая. Он часто рассказывал Элен о власти, ее обретении, ее использовании и, что более важно, о достижении цели без включения ее механизмов. Она слушала внимательно, демонстрируя терпение, необходимое тем, кто хочет взойти на вершину политической пирамиды.

Один из величайших парадоксов человечества, говорил он, состоит в том, что люди зачистую действуют против своих же интересов. Гордость разрушает их жизни. Зависть и заблуждения уводят на дороги, ведущие в никуда. Почему человеку очень важно поддерживать образ, который он сам и создает. Были люди, которые никогда не раболепствовали, не льстили, ни в

чем никому не уступали, не предавали, не обманывали. Были и такие, кто всю жизнь завидовал и ревновал к более счастливой судьбе других.

За этими рассуждениями скрывалась молчаливая просьба, на которую Элен предпочла ответить отказом. Она отвергла престарелого воздыхателя и продолжила путь к вершинам власти уже без его помощи.

Если человек доживает до ста лет в ясном уме, он не может не понимать, что ему не чуждо подсознательное злодейство, и выискивает свидетельства его проявления в прошлом. Оракул обиделся, когда Элен Дюпрей отказалась отдаться ему. Он знал, что она не ханжа, что у нее есть любовники. И в семьдесят лет он был на удивление тщеславен.

Он поехал в центр омоложения в Швейцарии, где хирургическим методом убирали морщины, разглаживали кожу, подсаживали клетки зародышей животных. Но ничего не могли сделать с усыханием скелета, ухудшением подвижности суставов, с превращением крови в воду.

И хотя пользы ему это не приносило, Оракул верил, что знает, как завоевать любовь женщин. Даже когда ему перевалило за шестьдесят, молодые любовницы обожали его. Секрет заключался в том, что он ни в чем их не ограничивал, не ревновал, не оскорблял их чувства. Они заводили романы с молодыми мужчинами и иной раз походя обижали Оракула. Он не обращал на это ни малейшего внимания. Дарил им дорогие подарки, картины, украшения. Способствовал их карьере, разрешал пользоваться своими счетами. Человек предусмотрительный, он не ограничивался одной любовницей, в любой момент времени у него их было три, а то и четыре. Потому что личная жизнь каждой не замыкалась на нем. Они могли влюбиться и бросить его, могли уехать в длительное путешествие, могли работать от зари до зари. Так что многого он от них не требовал. Но когда жаждал общения с женщиной (не только секса, но и сладкого журчания их голосов), уж одна из четверых обязательно приезжала к нему. Они прекрасно понимали, что в его компании они могут попасть в те дома, куда без него их могли и не пустить. Его причастность к высшему политическому свету служила еще одной приманкой.

Он не делал секрета из того, что любовниц у него несколько, они все знали друг друга. Он нисколько не сомневался, что в глубине души женщины не любили моногамных мужчин.

К сожалению, все зло, сотворенное им, вспоминалось гораздо чаще, чем добро. На его деньги строились медицинские центры, церкви, дома для престарелых. Он сделал много хорошего. Но сам помнил о себе не самое лучшее. К счастью, он часто думал и о любви. В определенном смысле любовь обернулась наиболее прибыльным вложением капитала. А ведь ему принадлежали брокерские конторы на Уолл-стрит, банки, авиакомпании.

Опирающегося на могущество денег, его часто приглашали принять участие в событиях мирового масштаба, с ним советовались самые влиятельные правители. Он помогал создавать мир, в котором сейчас жили люди. Так что жизнь он прожил удивительную, принесся немалую пользу человечеству. И, однако, для столетнего мозга его бесчисленные романы казались куда живее всего остального. Ах, эти умные, волевые красотишки, какие они были милые, как защищали его точку зрения. Теперь они стали судьями, издателями журналов, играли ведущую роль на Уолл-стрит, руководили информационными программами телевещательных компаний. Какую хитрость выказывали они в своих любовных романах, но ему всегда удавалось перехитрить их. Разумеется, не лишая того, что им полагалось. Он не чувствовал вины, только сожаление. Если бы хоть одна из них действительно любила его, он бы вознес ее до небес. Но мозг тут же напомнил, что он как раз и не заслужил того, чтобы его так любили. Они соглашались на его любовь, но оставляли за собой свободу.

В семьдесят лет процесс усыхания костей ускорился. Физическое желание начало сходиться на нет, зато мозг заполнило море юных образов. Вот тогда он понял, что ему нужны молодые женщины, которые будут ложиться в его постель только для того, чтобы он мог полюбоваться на них. Как бичевала литература это извращение, как злобно молодые высмеивали стариков, словно не понимая, что со временем постареют и они. Но какое же умиротворение

приносила его старческому телу красота, на которую он мог только смотреть. Каким же чистым, невинным было это удовольствие. Безупречная форма груди, шелковистая белая кожа, увенчанная крошечным алым бутонem. Загадочные бедра, словно подсвеченные изнутри, удивительный треугольник волос самых разных цветов. Округлость ягодиц, к которым так и тянулась рука. И их лица, удивительные ушные раковины, по которым читались особенности характера, синие, серые, карие или зеленые глаза, скрывающие от мира истинные мысли их обладательниц, нежные щеки, сходящиеся у доверчивых губ, которые могли приносить наслаждение и жестоко ранить. Он смотрел на них, пока не засыпал. Он протягивал руку и касался теплой плоти, шелковистых бедер и ягодиц, горячих губ, очень редко курчавого лобка, чтобы ощутить бьющийся под ним пульс. Прикосновения эти успокаивали его, изгоняли ужас из его снов. Во сне он ненавидел молодых и стремился уничтожить их. Ему снились окопы, заваленные трупами молодых солдат, матросы, тысячами устилавшие морское дно, серебристые космические корабли, которые засасывали черные дыры.

Но, проснувшись, он понимал, что сны эти – форма старческого безумия, проявление отвращения к собственному телу. Он ненавидел свою кожу, похожую на чешую, коричневые бляшки, усыпавшие лысину и руки, эти веснушки смерти, ухудшающееся зрение, неподвижность ног, слабеющее сердце, злобу, которая захлестывала его ясный ум.

Какая жалость, что феи приходили только к младенцам, чтобы даровать им три магических желания! Младенцы в них не нуждались. Только старики смогли бы с толком использовать такие подарки. Особенно старики с абсолютно ясным умом.

Книга вторая. Пасхальная неделя

Глава 4

Понедельник

Отъезд Ромео из Италии тщательно спланировали. С площади Святого Петра минивэн доставил их на конспиративную квартиру, где он переоделся, получил новый паспорт, практически неотличимый от настоящего, взял уже сложенный чемодан, и его незамедлительно перевезли в Южную Францию. Из Ниса он самолетом долетел до Парижа, а оттуда отправился в Америку. И хотя Ромео бодрствовал тридцать часов, он не чувствовал никакой сонливости. И не терял бдительности. Этот этап операции только казался легким: и здесь малейшая ошибка могла привести к провалу.

Обед и вино на самолетах «Эйр Франс», как всегда, не знали себе равных, и Ромео немного расслабился. Взглянул в иллюминатор, на бескрайнюю светло-зеленую гладь воды, сходящуюся на горизонте с синим небом, принял две таблетки снотворного. Но напряжение не пускало его в объятия Морфея. Он думал о паспортном контроле в нью-йоркском аэропорту. Вдруг там что-то пойдет не так? Но, с другой стороны, для плана Джабрила не имело значения, где и когда его поймут. Однако сон все равно не шел. Ромео не питал иллюзий насчет страданий, которые ему предстояло вынести. Он согласился пожертвовать собой во искупление грехов его семьи, его класса, его страны, но теперь в душу закрался загадочный страх.

Наконец таблетки взяли верх, и он заснул. В своих снах он вновь стрелял на площади Святого Петра, а потом бежал, бежал, бежал... Он все еще бежал, когда стюардесса разбудила его. Самолет приземлился в аэропорту Кеннеди. Стюардесса протянула ему пиджак, он взял с багажной полки небольшой чемодан. Прекрасно сыграл свою роль, проходя паспортный контроль, вышел в центральный зал аэропорта.

Сразу же заметил связных. Девушку в зеленой лыжной шапочке с белыми полосками. Юношу в красной бейсболке с синей надписью «ЯНКИ». Сам Ромео знаков отличия не имел: хотел сохранить за собой свободу действий. Он наклонился, открыл чемодан, сделал вид, будто что-то в нем ищет, при этом поглядывая на связных. Ничего подозрительного не заметил. Впрочем, проделывал он все это лишь для проформы.

Девушку, светловолосую, на вкус Ромео, слишком тощую, отличало очень серьезное выражение лица, которое как раз нравилось ему в женщинах. Хохотушек он не жаловал. Он задался вопросом, а какова она в постели, надеясь, что ему удастся соблазнить ее до того, как его арестуют. Он полагал, что ему это удастся без особого труда. Женщинам он нравился. В этом смысле он мог дать Джабрилу сто очков вперед. Она наверняка догадывалась, что он каким-то боком связан с убийством папы, а серьезные девушки с революционными воззрениями почитали за счастье отдаться герою подполья. В этом они находили воплощение своих романтических грез. Ромео заметил, что она держалась чуть в стороне от своего спутника.

Зато доброе, открытое лицо молодого человека, светящееся американским дружелюбием, сразу не понравилось Ромео. Американцы – бесхребетные говнюки, думал он, у них слишком легкая жизнь. Это же надо, за двести лет они так и не создали революционную партию. И это в стране, обязанной революции своим появлением на карте. Этот молодой человек, которого прислали встречать его, и был типичным представителем такой мягкотелости. Ромео подхватил чемодан, направился к ним.

– Извините, пожалуйста. – Ромео улыбнулся, по-английски он говорил с сильным акцентом. – Вы не подскажете мне, где останавливается автобус, идущий на Лонг-Айленд?

Девушка повернулась к нему. Вблизи она смотрелась получше. Он увидел маленький шрам на ее подбородке, который разом возбудил его.

– Вам нужен Северный берег или Южный?

– Ист-Хэмптон, – ответил Ромео.

Девушка улыбнулась очень тепло, даже с обожанием. Молодой человек взял чемодан Ромео.

– Следуйте за нами.

Они направились к выходу, Ромео – за ними. Шум автомобильного потока, толпы людей удивляли его. Их ждала машина. За рулем сидел другой юноша, тоже в красной бейсболке. Первый сел рядом с ним, Ромео и девушка устроились на заднем сиденье. Машина влилась в транспортный поток, когда девушка протянула Ромео руку.

– Меня зовут Дороти. Пожалуйста, ни о чем не волнуйтесь. – Молодые люди с переднего сиденья пробормотали свои имена. – Вы будете в полной безопасности. – В тот момент Ромео испытал агонию Иуды.

Вечером американцы постарались угостить Ромео вкусным обедом. Определили его в уютную комнату с видом на океан. Матрац, правда, был не очень, но Ромео это особо не волновало: он знал, что спать на нем ему придется не больше одной ночи. Обстановка стоила немалых денег, но тонким вкусом хозяева не отличались. Вечер они провели втроем, болтая на английском и итальянском.

Девушка Дороти его удивила. Выяснилось, что она не только красива, но и очень умна. Флиртовать с ним она не собиралась, так что надежды Ромео провести ночь в любовных утехх растаяли, как дым. Молодого человека, Ричарда, также отличала серьезность. Они, безусловно, догадались, что он участвовал в убийстве папы, но вопросов не задавали. Лишь относились с тем уважением и испугом, какие выказывают человеку, медленно умирающему от неизлечимой болезни. На Ромео они произвели самое благоприятное впечатление своей внешностью, интеллигентностью разговора, состраданием к беднякам, уверенностью в том, что убеждения у них правильные, а возможности – беспредельные.

Проведя тихий, спокойный вечер с молодыми людьми, искренними в своей вере, не имеющими ни малейшего понятия о том, какими страданиями и жертвами сопровождается любая революция, Ромео едва не впал в депрессию. Ну почему эти двое должны идти в тюрьму вместе с ним? Его-то освободят, он верил в план Джабрила, простой, эффективный, элегантный. И он добровольно согласился сунуть голову в петлю. А вот они останутся в наручниках, чтобы до конца испить горькую чашу революционеров. Даже возникла мысль предупредить их о беде. Но мир должен был узнать об участии в заговоре американцев. Этим двоим отводилась роль жертвенных барашков. Вот тут он рассердился за себя, очень уж у него доброе сердце. Да, в отличие от Джабрила он не мог бросить бомбу в детский сад, но уж заклятие двоих взрослых не должно вызывать у него никаких эмоций. В конце концов, он убил папу.

Да и какие мучения выпадут на их долю? Ну, проведут несколько лет в тюрьме. Америка столь мягкотела, что их могут даже освободить в зале суда. Америка – страна адвокатов, которые не менее грозны, чем рыцари Круглого стола. И с крючка они могут снять кого угодно.

Вновь он попытался заснуть. Но кошмары последних дней, посетившие его над океаном, ворвались и в открытое окно. Опять он поднимал винтовку, видел, как падает папа, бежал через площадь, слышал отчаянные крики верующих.

Наутро, в понедельник, через двадцать четыре часа после убийства папы, Ромео решил прогуляться вдоль океана, омывающего Америку, вдохнуть последний глоток свободы. Спустился по лестнице притихшего дома. Дороти и Ричард спали на двух диванах в гостиной, словно охраняя его покой. Боль предательства погнала его за дверь, навстречу соленому ветру, дующему с океана. Он сразу возненавидел этот чужой для него берег, серые кусты, желтые сорняки, солнечные лучи, отражающиеся от серебристо-красных банок из-под кока-колы. Здесь

даже солнце не грело, но его радовало, что миг предательства он встретит в гордом одиночестве, на пустынном берегу. Вертолет пролетел над головой и скрылся из виду. Неподалеку от берега застыли две яхты. Их экипажи не подавали признаков жизни. Кроваво-оранжевое солнце, поднимаясь все выше, желтело на глазах. Шел он долго, обогнул бухту, дом исчез из виду. По непонятной причине его охватила паника. Возможно, испугал лес сухих сорняков и высокой травы, подступавший к самой воде. Ромео повернул назад.

Вот тогда он и услышал вой полицейских сирен, увидел мигалки патрульных машин и направился к ним. Страха он не испытывал, не сомневался в Джабриле, хотя и мог скрыться. Его охватило презрение к американскому обществу, которое не могло толком и поймать его. Но потом в небе возник вертолет, обе яхты двинулись к берегу. Ромео пронзил страх, волна паники накрыла его. Теперь, когда шансов на спасение не было, ему хотелось бежать, бежать и бежать. Но он взял себя в руки и зашагал к дому, окруженному вооруженными людьми. Вертолет завис над домом. Новые вооруженные люди появились на берегу. Ромео разыграл сцену испуга, побежал к океану. Из воды поднялись люди в масках. Ромео повернулся, бросился к дому и увидел Ричарда и Дороти.

В ножных кандалах, в наручниках. Железные веревки привязали их тела к земле. И они плакали. Ромео знал, что они сейчас чувствовали. Давным-давно ему пришлось все это пережить. Они плакали от стыда, унижения, лишенные ощущений могущества, которые возносили их над простыми людьми. И их души переполнял ужас, они осознавали свою полную беспомощность, отдавали себе отчет, что теперь их судьбу будут решать не капризные, но иной раз и жалостливые боги, а сограждане, и по всей строгости закона.

Ромео мог подарить им лишь печальную улыбку. Он знал, что его через несколько дней освободят, он знал, что предал этих двух искренних последователей его собственной веры, но, в конце концов, это было тактическое решение, обусловленное не злобой или дурными намерениями. А потом армия вооруженных людей налетела на него и заковала руки и ноги в тяжелое железо.

* * *

На другом конце света, где высоко над землей висели спутники-шпионы, где верхний слой атмосферы прослушивали радары, куда, рассекая океанские просторы, спешили американские боевые корабли, в стране, на которую наводились ракетные установки, к границам которой подтягивались армии, Джабрил завтракал во дворце с султаном.

Султан Шерхабена верил в свободу арабов, в право палестинцев на создание собственного государства. Соединенные Штаты он воспринимал как главную подпорку Израиля: без американской поддержки Израиль устоять бы не смог. И план Джабрила дестабилизировать американское государство пришелся султану по вкусу. Его порадовал предложенный Шерхабене шанс унижить великую страну, не опасаясь применения силы.

В Шерхабене султан обладал абсолютной властью. И несметными богатствами: он мог ни в чем себе не отказывать, любая его прихоть выполнялась беспрекословно, но все это давно ему приелось и не приносило удовлетворения. Султан не имел грехов, которые могли бы «подперчить» его жизнь. Он строго соблюдал законы шариата, являл собой саму добродетель. Уровень жизни в Шерхабене, спасибо огромным запасам нефти, был одним из самых высоких в мире. Султан строил новые школы и новые больницы. Он мечтал о том, чтобы превратить Шерхабен в Швейцарию арабского мира. А его эксцентричность проявлялась лишь в одном: в маниакальном стремлении к чистоте как во дворце, так и во всем государстве.

Султан принял участие в заговоре, потому что находил удовольствие в авантюрах, игре по-крупному, стремлении к высоким идеалам. Он понимал, что ни ему, ни его стране ничего

не грозит. Потому что обладал волшебным щитом: миллиардами баррелей нефти, надежно упрятанной под принадлежащей ему пустыней.

Еще одним мощным побуждающим мотивом стало чувство благодарности, которое он испытывал к Джабрилу. Султан был одним из многих принцев, когда в Шерхабене после открытия огромных запасов нефти разгорелась жестокая борьба за власть. Американские нефтяные компании поддерживали оппонентов султана, которые, естественно, защищали американские интересы. Султан, получивший образование за границей, понимал истинную ценность нефтяных месторождений и боролся за то, чтобы они оставались в собственности Шерхабена. Началась гражданская война. И вот тогда очень молодой Джабрил помог султану захватить власть, убив его основных противников. Султан при всей добродетельности в личной жизни признавал, что политическая борьба имеет свои правила и законы, нарушать которые себе дороже.

Став во главе Шерхабена, султан предоставил Джабрилу столь необходимое ему убежище. Действительно, за последние десять лет Джабрил провел в Шерхабене больше времени, чем в любой другой стране. Жил он под другим именем, у него были дом, слуги, жена, дети. Более того, он занимал какой-то мелкий пост в чиновничьей иерархии. Раскрыть его легенду не удалось ни одной из иностранных разведок. За эти годы он и султан очень сблизились. Оба с интересом изучали Коран, оба получили образование в иностранных университетах. Объединяла их и ненависть к Израилю. Причем ни один не испытывал ненависти к евреям за то, что они – евреи. Нет, и султан, и Джабрил ненавидели официально признанное всем миром еврейское государство.

Султан Шерхабена лелеял тайную мечту, которой не делился ни с кем, даже с Джабрилом. Настанет день, когда Израиль будет уничтожен и евреи вновь рассеются по всей Земле. Вот тогда он, султан, завлечет еврейских ученых и инженеров в Шерхабен. Создаст университет, под крышу которого будут стекаться еврейские мозги. Разве история не доказала, что в генах этого народа заложено величие разума? Эйнштейн и другие еврейские ученые дали миру атомную бомбу. Какие еще загадки господ и природы смогут они разгадать? И разве они не братья-семиты? Время лечит ненависть. Еврей и араб смогут жить в мире и согласии и совместными усилиями превратят Шерхабен в великую державу. Да, он соблазнит их богатством и цивилизованностью, он будет уважать особенности их культуры. Кто знает, что из этого выйдет? Шерхабен сможет стать новыми Афинами. Мысль эта вызывала у султана улыбку. Глупость, конечно, но грезы еще никому не вредили.

Но теперь замысел Джабрила, возможно, мог превратить его жизнь в кошмар. Султан вызвал его во дворец, чтобы убедиться, что жестокость Джабрила можно удержать под контролем. Джабрил славился тем, что при проведении операции добавлял в заранее оговоренные планы собственные штрихи.

Султан настоял, чтобы Джабрил принял ванну, побрился, насладился компанией лучшей танцовщицы дворца. И лишь потом принял его на застекленной, оснащенной системой кондиционирования террасе.

Султан понимал, что может говорить откровенно:

– Я должен тебя поздравить. Ты прекрасно все рассчитал, и, должен сказать, удача на твоей стороне. Аллах, без сомнения, приглядывает за тобой, – он тепло улыбнулся Джабрилу и продолжил: – Мне сообщили о том, что Соединенные Штаты заранее согласны на все твои требования. Прояви благоразумие. Ты унизил величайшую державу мира. Ты убил крупнейшего религиозного лидера планеты. Ты добьешься освобождения убийцы папы и плюнешь им в лицо. Но не требуй большего. Подумай, что может за этим последовать. Весь мир будет охотиться за тобой.

Джабрил заранее знал, что этого разговора не избежать, но ему хотелось получить как можно больше информации, прежде чем вступать в переговоры. На мгновение он даже подумал, а не хочет ли султан лично возглавить операцию.

– В Шерхабене я буду в полной безопасности, – ответил Джабрил. – Как всегда.

Султан покачал головой:

– Ты знаешь не хуже моего, что по завершении операции они все свое внимание сосредоточат на Шерхабене. Тебе придется искать другое убежище.

Джабрил рассмеялся:

– Стану нищим в Иерусалиме. Но тебе надо волноваться за свою жизнь. Они узнают, что ты принимал участие в этой истории.

– Не обязательно, – возразил султан. – Я сижу на океане самой дешевой в мире нефти. Кроме того, американцы уже вложили в Шерхабен пятьдесят миллиардов долларов, а то и больше. Нет, думаю, меня простят гораздо быстрее, чем тебя или твоего друга Ромео. Джабрил, друг мой, я хорошо тебя знаю, в этот раз ты многого добился, устроил миру показательную порку. Пожалуйста, не испортить все одним из своих маленьких финтов в самом конце игры. – Он помолчал. – Когда я смогу сообщить им твои требования?

– Ромео уже на месте, – ответил Джабрил. – Объяви ультиматум в полдень. Они должны согласиться на все во вторник, до одиннадцати утра. В переговоры я вступать не буду.

– Будь очень осторожен, Джабрил, – предупредил его султан. – Дай им больше времени.

Они обнялись, прежде чем Джабрила отвезли на самолет, контроль над которым обеспечивала его команда, прилетевшая из Рима, и еще четыре человека, поднявшиеся на борт в Шерхабене. Все заложники, включая экипаж самолета, разместились в салоне экономического класса. Самолет одиноко стоял в центре летного поля. Толпы зевак, телевизионщики и газетчики, слетевшиеся со всего света, находились в пятистах ярдах, за кордоном, образованным войсками султана.

Джабрил вернулся на самолет под видом грузчика, который помогал разгружать подвозимые к самолету воду и продукты.

В Вашингтоне, округ Колумбия, только началось утро понедельника. Расставаясь с султаном, Джабрил сказал:

– Теперь мы увидим, какой характер у этого Кеннеди.

Глава 5

Если человек отвергает удовольствия этого мира и посвящает свою жизнь благополучию себе подобных, всем заинтересованным сторонам грозит немалая опасность. Президент Соединенных Штатов Френсис Завьер Кеннеди был именно таким человеком.

К тридцати годам, до прихода в политику, Кеннеди добился фантастических успехов и приумножил свое и без того колоссальное состояние. И задался вопросом: а ради чего стоит жить на этом свете? Над ответом долго ломать голову не пришлось. В силу глубокой религиозности, приверженности строгим моральным принципам, памятуя о трагической гибели дядьев, он решил, что нет для него более насущной задачи, чем улучшить мир, в котором он жил. И тем самым избежать участи других Кеннеди, поднявшихся на вершину власти.

Когда его избрали президентом, он заявил своей администрации, что объявляет войну человеческому несчастью. Он будет представлять миллионы людей, которые не могут позволить себе нанимать профессиональных лоббистов.

При обычных обстоятельствах подобное мировоззрение показалась бы большинству избирателей излишне радикальным, но сработала магия телевизионного образа Кеннеди. Природа не обидела его и внешними данными, и актерскими способностями. От своих знаменитых родственников он отличался и блестящими умственными способностями, и прекрасным образованием. Настоящий ученый, он мог без труда поддержать риторику своих речей статистическими выкладками. Он мог с отменным красноречием озвучивать материалы, подготовленные специалистами в самых различных областях знания. И в остроумии ему практически не было равных.

«Получив хорошее образование, – говорил Кеннеди, – любой взломщик, любой грабитель, любой налетчик найдет способ украсть нужную ему вещь, никому не причинив вреда. Они сообразят, что воровать надо, как это делается на Уолл-стрит, научатся уходить от налогов, используя методы респектабельных членов нашего общества. Возможно, возрастет количество преступлений, которые относятся к категории совершенных «белыми воротничками», но, по крайней мере, мы обойдемся без жертв».

* * *

Но в натуре Кеннеди была и другая сторона.

– Для левых я реакционер, для правых – сущий кошмар, – сказал он Кли, вручая ему новый устав ФБР, значительно расширяющий возможности Бюро. – Когда человек совершает поступок, классифицируемый как преступление, я чувствую, что это грех. Усиление закона – моя религия. Человек, совершающий преступление, проявляет тем самым божью власть по отношению к другому человеку. И тогда жертве приходится решать, допускать ли еще одного бога в свою жизнь. И когда жертва и общество в любом виде принимают криминальное деяние, мы тем самым уничтожаем стремление общества к выживанию. Общество и даже индивидуум не имеют права прощать или отказываться от наказания. Зачем навязывать тиранию преступников законопослушному населению, которое придерживается социального контракта с властью? Убийствами, вооруженными ограблениями, изнасилованиями преступник заявляет нам о том, что он – господь бог.

– Пересажаем их всех в тюрьму? – с улыбкой спросил Кристиан.

– У нас не хватит тюрем, – мрачно ответил Кеннеди.

Кристиан передал ему последние статистические данные о преступности в Америке. Кеннеди несколько минут изучал распечатку, потом пришел в ярость.

Если бы только люди знали статистику преступлений. Если бы люди знали о преступлениях, которые не попадают в статистические данные. Взломщики, как видно даже из этих цифр, редко попадают в тюрьму. Неприкосновенность жилища, в которое не может войти представитель закона, драгоценная свобода, священный социальный контракт грубо нарушаются вооруженными гражданами, которые грабят, убивают, насилюют. Кеннеди процитировал любимый отрывок из английского гражданского права: «Дождь может зайти, ветер может, король – нет». Как далеки от этого реалии нашей жизни. В Калифорнии за год совершается в шесть раз больше убийств, чем в Англии. В Америке убийца выходит из тюрьмы через пять лет. Если каким-то чудом его удастся осудить.

– Население Америки терроризируют несколько миллионов лунатиков, – продолжал Кеннеди. – Люди по ночам не рискуют появляться на улицах. Они оснащают свои дома охранными системами, тратя на них тридцать миллионов долларов в год.

Ты знаешь, что девяносто восемь процентов преступлений остаются безнаказанными? – Кеннеди особенно задевал этот аспект. – Ницше давным-давно сказал: «Общество, которое становится более терпимым и заботливым, играет на руку тем, кто вредит ему». Религиозные организации в своих проповедях прощают преступников. Они не имеют права прощать этих мерзавцев. Самое страшное зрелище, которое я видел по телевизору, – мать, у которой изнасиловали и зверски убили дочь, заявляющая на всю Америку: «Я их прощаю». Кто дал ей право прощать их?

И тут, к удивлению Кристиана, Кеннеди набросился на литературу:

– Оруэлл в «1984» все поставил с ног на голову. Главное чудовище – это индивидуум, и Хаксли в своем «Дивном новом мире» показал это совсем не так, как следовало. Но я бы не возражал жить в «Дивном новом мире», он определенно лучше нашего. Тиран – отдельная личность, не государство.

– Я сам удивлен цифрами статистического отчета, который передал тебе, – признал Кристиан. – Население этой страны действительно терроризируют.

Конгресс должен принять законы, которые нам необходимы. И пусть газеты и другие средства массовой информации во весь голос орут о билле, о правах и священной Конституции, – Кеннеди помолчал, чтобы оценить реакцию друга. На лице Кли отразился шок. Кеннеди улыбнулся и продолжил: – Сейчас я тебе кое-что расскажу, а уж оценивать эту информацию ты будешь сам. Я обсуждал сложившуюся ситуацию с самыми влиятельными представителями нашего общества, с теми, кто контролирует все денежные потоки. Я произнес речь в Сократовском клубе. Я думал, что они озаботятся моими словами. Но меня ждал сюрприз. У них есть возможность повлиять на Конгресс, но они не собираются ударить пальцем о палец. И ты никогда не догадаешься почему. Я вот не догадался.

Вновь он выдержал паузу, словно рассчитывал услышать догадку Кристиана. Но тот предпочел промолчать.

– В этой стране богатые и власти предрежающие могут защитить себя. Они не полагаются на полицию или федеральные правоохранительные ведомства. Они оборудуют дома и поместья дорогостоящими системами сигнализации. Они нанимают частных телохранителей. Они отгораживаются от преступного общества. А самые предусмотрительные стараются не иметь ничего общего ни с наркотиками, ни с наркоманами. По ночам они могут спать спокойно, под охраной верных людей и электроники.

Кристиан заерзал в кресле, отпил бренди. А Кеннеди заговорил вновь:

– Итак, их точка зрения состоит в следующем. Допустим, мы примем законы, которые раздавят преступность. В этом случае наш основной удар придется на черных. И куда пойдут эти обделенные способностями, необразованные, лишенные власти люди? Как еще они смогут бороться с нашим обществом? Если лишить их самой возможности совершать преступления, они неминуемо обратятся к политической деятельности. Станут активными радикалами.

И нарушат политическое равновесие в нашей стране. Возможно, созданная у нас капиталистическая демократия перестанет существовать.

– Ты в это веришь? – спросил Кристиан.

Кеннеди вздохнул:

– Господи, кто знает? Но люди, которые правят нашей страной, в это верят. И говорят, пусть шакалы кусают беспомощных. Что они могут украсть? Несколько миллиардов долларов? Столь малую цену можно и заплатить. А то, что многих и многих грабят, убивают, насилуют, значения не имеет, все это происходит с пешками. Крупные фигуры остаются в безопасности. Лучше разгул преступности, чем политические беспорядки.

– Ну, это ты загнул.

– Возможно.

– А если преступности дать разгуляться, мы получим незаконные вооруженные формирования, американский фашизм.

– Этих-то как раз можно контролировать, – возразил Кеннеди. – Они только помогут людям, которые правят в нашей стране.

Он улыбнулся Кристиану и вновь взял со стола распечатку.

– Оставлю ее себе. Попрошу вставить в рамку и повешу на стене моего кабинета как напоминание о тех временах, когда Кристиан Кли еще не был директором ФБР и генеральным прокурором.

* * *

В понедельник, в семь утра, помощники президента Френсиса Кеннеди, министры и вице-президент Элен Дюпрей собрались в зале заседаний Белого дома. Они с тревогой ждали этого совещания, не зная, какое же решение примет президент.

Директор ЦРУ Теодор Тэппи, дождавшись сигнала Кеннеди, открыл совещание:

– Прежде всего позвольте сказать, что Тереза в полном порядке. На борту самолета никто не пострадал. Однако угонщики не выставили свои требования. Но мы их узнаем еще до вечера, и нас предупредили, что принимать их придется немедленно, без всяких переговоров. Но это стандартное условие. Главарь угонщиков Джабрил – знаменитость в кругах террористов и достаточно хорошо известен нам. Он – волк-одиночка и обычно проводит свои операции с помощью организованных террористических групп, таких, как Первая сотня.

– Что это за сотня, Тео? – спросил Кли.

– Террористы различных стран, связанные между собой.

– Продолжай, – вмешался Кеннеди.

Тэппи сверился со своими записями:

– Нет сомнений в том, что султан Шерхабена действует заодно с Джабрилом. Его армия защищает летное поле от любой попытки взять самолет штурмом. Однако на данный момент султан притворяется нашим другом и предлагает свои услуги в качестве посредника. Какова его цель, мы не знаем, но его участие в переговорах в наших интересах. Султан – человек благоразумный, и при необходимости на него есть чем надавить. А вот действия Джабрила предсказать невозможно.

Директор ЦРУ замялся и лишь после кивка Кеннеди с неохотой продолжил:

– Джабрил пытается промыть мозги вашей дочери, мистер президент. Он несколько раз подолгу говорил с ней. Вроде бы он видит в ней потенциальную революционерку, и заявление с выражением сочувствия его борьбе могло бы оказать Джабрилу немалую пользу. Она его совершенно не боится.

Участники заседания молчали. Все знали, что нет смысла спрашивать у Тэппи, как он получил эти сведения.

В холле, примыкающем к залу заседаний, загудели голоса, с лужайки Белого дома, где толпились телевизионщики, донеслись возбужденные крики. Один из сотрудников аппарата Белого дома проскользнул в зал, протянул Дэззи бумажку с несколькими написанными от руки словами. Руководитель аппарата прочитал их, взглянул на сотрудника.

– Подтверждение есть? – спросил он.

– Да, сэр.

Дэззи повернулся к Кеннеди.

– Мистер президент, у меня экстраординарная новость. Убийца папы схвачен на территории Соединенных Штатов Америки. Арестованный подтверждает, что он – убийца и его кодовое имя Ромео. Он отказывается назвать свои настоящие имя и фамилию. Информация проверена итальянской службой безопасности. Арестованный сообщил подробности, которые не оставляют сомнений в его вине.

– Что он здесь делает? – взорвался Артур Уикс, словно речь шла о незваном госте, только ему ведомым путем проникшем на закрытое для посторонних торжество. – Я в это не верю.

Дэззи терпеливо все объяснил. Итальянцы уже арестовали нескольких соучастников Ромео: они признались и указали на Ромео как на своего лидера. Глава итальянской службы безопасности Франко Себбедиччо славится умением развязывать языки. Но ему не удалось выяснить, почему Ромео улетел в Америку и даже не попытался спрятаться от полиции.

Френсис Кеннеди подошел к дверям, выходящим в Розовый сад. Посмотрел на морских пехотинцев, патрулирующих территорию Белого дома и прилегающих улиц. Вновь ощутил предчувствие беды. Ничего в его жизни не происходило случайно, жизнь – это заговор, только организовывали его не люди, а вера и смерть.

Френсис вернулся к столу. Оглядел собравшихся за ним представителей высшей государственной власти, самых умных, самых проницательных, умеющих все распланировать на много ходов вперед.

– Готов поспорить с вами, что требования заговорщиков мы получим уже сегодня. – В его голосе звучали игривые нотки. – И одним из них будет освобождение убийцы папы.

Остальные вытаращились на Кеннеди. Общее мнение выразил Отто Грей:

– Мистер президент, это уж чересчур. Такое требование мы не сможем даже рассматривать.

– Полученные нами данные не выявляют связи между двумя преступлениями, – вмешался Тэппи. – Невозможно даже представить себе, что одна террористическая группа решилась провести две такие операции в один день и в одном городе. – Он посмотрел на Кристиана Кли. – Мистер генеральный прокурор, как вам удалось захватить этого человека? – Он помолчал, чтобы с отвращением добавить: – Ромео.

– С помощью информатора, услугами которого мы пользуемся много лет. Мы думали, это невозможно, но мой заместитель Питер Клут провел полномасштабную операцию, которая, похоже, успешно завершилась. Должен признать, я удивлен. Это просто лишено смысла.

– Давайте прервемся и продолжим совещание после того, как угонщики обнарудут свои требования, – предложил Френсис Кеннеди.

Его словно озарило: с ужасающей ясностью он представил себе весь план, которым так гордился Джабрил. И впервые серьезно испугался за безопасность дочери.

* * *

Требования Джабрила поступили в коммуникационный центр Белого дома во второй половине дня, переданные вроде бы стремящимся помочь султаном Шерхабена. Первое: пятьдесят миллионов долларов за самолет. Второе: освобождение шестисот палестинцев из тюрем Израиля. Третье: освобождение Ромео, только что захваченного убийцы папы, и его доставка

в Шерхабен. Джабрил предупреждал: если в течение двадцати четырех часов его требования не будут выполнены, он расстреляет одного заложника.

Френсис Кеннеди и его ближайшие помощники собрались в большой северо-западной столовой на втором этаже Белого дома, чтобы обсудить требования Джабрила. Антикварный стол накрыли на шестерых. Френсис Кеннеди сидел во главе. Элен Дюпрей, Отто Грей, Артур Уикс, Юджин Дэззи и Кристиан Кли – по бокам.

Френсису Кеннеди удалось поставить себя на место террористов, прочитав их замысел, как открытую книгу. Прежде всего они стремились унижить Соединенные Штаты, показать всему миру, что их могущество – фикция. И Кеннеди не мог не признать, что Джабрил нанес мощный психологический удар. Кто будет серьезно воспринимать Америку, если несколько вооруженных людей и маленький султанат ткнут ее лицом в грязь? Должен ли он пойти на это ради того, чтобы его дочь вернулась домой целой и невредимой? Однако, может, интуиция, может, дар предвидения подсказывали ему, что сценарий на этом не заканчивается, что впереди ожидаются новые сюрпризы. Но говорить Кеннеди ничего не стал. Наоборот, дал высказаться другим.

Дискуссию открыл Юджин Дэззи. От усталости у него сел голос: он не спал тридцать шесть часов.

– Мистер президент, по нашему мнению, мы не можем полностью выполнить требования террористов. Ромео мы передадим, но не Джабрилу, а итальянскому правительству, что справедливо и совершенно законно. Мы не пришли к общему согласию насчет выплаты денег, и у нас нет возможности заставить Израиль освободить заключенных. В этом случае мы не проявим слабости, но и не будем провоцировать террористов. А как только Тереза вернется, мы с ними разберемся.

– Я обещаю, что в течение года проблема будет решена, – вставил Кристиан Кли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.